

Памяти V Вселенского собора

(Рѣчь на открытомъ собраніи Св. Сергіевской Духовной Академіи
въ Парижѣ 24.I.1954 г.) (1)

Неискушеннаго въ богословіи читателя исторіи вселенскихъ соборовъ можетъ смущать специфическое разочарованіе и сомнѣніе. Такъ все въ этой исторіи человѣчески обычно, такъ явно движеть всѣмъ человѣческая ограниченность, страстность и грѣховность, что трудно найти среди всей рационально постижимой прозы мѣсто для очевиднаго присутствія тутъ же элемента сверхестественнаго, невидимо дѣйствующаго, направляющаго перста Божія. Наивные схоласты богословія напрасно думаютъ, что можно документально точными историческими аргументами и принудительной діалектикой какъ бы «припереть къ стѣнѣ», заставить холоднаго раціоналиста, и тѣмъ болѣе озлобленнаго скептика признаться, что въ томъ или иномъ моментѣ исторіи, въ частности въ какомъ-то церковномъ соборѣ онъ видитъ, наконецъ, тотъ «синергизмъ» силъ человѣческихъ и силъ божественныхъ, который можетъ открываться только очамъ вѣры.

Одинъ ученый умникъ съ гордостью пустилъ въ оборотъ свое реченіе, что вотъ онъ всю жизнь сидитъ около микроскоповъ и телескоповъ, а «Бога нигдѣ не замѣтилъ». Онъ — правъ. Физическими очами, ни въ микроскопы, ни въ телескопы Бога увидѣть нельзя. Въ этомъ смыслѣ «Бога никтоже видѣ нигдѣже» (Ин. 1, 18). На то данъ человѣку другой органъ. Ему нѣтъ рациональнаго имени. Это — «очи вѣры, голосъ сердца, озареніе духа свѣтомъ Фаворскимъ (исихія)». «Но лишь Божественный глаголь до слуха чуткаго коснется, душа» человѣка «встрепенется, какъ пробудившійся орелъ». «Тоскуеть онъ» въ суетѣ этого міра. «Къ ногамъ народнаго кумира», хотя бы и вооруженнаго микро-телескопами, «не клонитъ гордой головы». «И долго на свѣтѣ», душа его «томится желаніемъ чуднымъ полна», пока въ непосредственныхъ, интуитивныхъ и опытныхъ соприкосновеніяхъ съ Творцомъ, Отцомъ и Господомъ своимъ, не успокаивается, какъ магнитная стрѣлка, найдя полюсь. Тогда открывшійся высшему, сверх-гносеологическому созерцанію — «оку вѣры», «свѣтъ разума» или «Свѣтъ Присносущный» самого присутствія Божія, объективно возсіяющей «въ глубинахъ сердца» — жизненно, фактически, **на опытъ** снимаетъ муку всякихъ антиномій теоретическаго разума. Ищущему, вѣрующему и просящему духу человѣческому дается благодатное откровеніе всѣхъ

1) Печатается въ сокращенномъ объемѣ.

тайнъ синергизма: — совмѣщенія закономѣрнаго космическаго міропорядка и абсолютной свободы Божественной. А по образу и подобію свободы Божіей живетъ и дѣйствуетъ среди міра космической необходимости и ограниченная, но тоже свободная и потому морально отвѣтственная воля человѣческая.

Такъ парадоксально реализуется синергизмъ. Непостижная рациональному мышленію антиномическая тайна просто предстоить передъ нимъ какъ данный фактъ бытія. «Непостижное уму» становится непререкаемо открытымъ «сердцу», пониманію вѣрой, ибо «вѣрой мы мыслимъ» — «πίστει νοοῦμεν» (Евр. 11, 3).

Позитивно историческій образъ V Вселенскаго Кльскаго Собора 553 г. смутенъ, соблазнителенъ по своей виѣшней фактической оболочкѣ. Добросовѣстный историкъ не имѣетъ права этого скрывать и затушевывать. По поводу моей теоріи, что у каждаго Вселенскаго Собора есть своя «икона», т. е. высшій, супра-натуральный, богочеловѣчскій ликъ, въ которомъ «синергетически» совмѣщается немощная, грѣшная, ибо страстная, человѣческая сторона съ вдохновеніемъ Духа Божія, открытымъ и осязаннымъ лишь сердцу вѣрующихъ, — одинъ русскій богословъ задалъ мнѣ вопросъ: какую же Вы «икону» укажете для V Вселенскаго Собора, подразумѣвая всю болѣзненность его процедуры и напряженно дипломатическую тактику его постановлений? Отвѣтимъ на это достойное вниманія вопрошаніе лишь въ заключеніе чисто исторической зарисовки хода дѣлъ на знаменитомъ Юстиниановомъ соборѣ, 1400-лѣтній юбилей котораго христіанскія церкви отмѣчаютъ въ настоящемъ году. Итакъ, прежде всего — исторія.

**

Халкидонскій соборъ его счастливымъ оросомъ поставилъ законную плотину противъ забурлившаго на всемъ эллино-семиго-коптскомъ православномъ Востокѣ еретическаго наводненія. То былъ паѳосъ ложнаго спиритуализма — монофиситство. Но безсмертная заслуга папы Льва Великаго и римской хринологіи для господствующей религіозной психики Востока была чужой, непонятной и соблазнительной. Сказалась колоссальная стихійно-историческая перемѣна въ духовной атмосферѣ восточнаго христіанства. Кристаллизовались итоги длительного, начиная съ Македонской эпохи, перерожденія Эллинизма въ Византинизмъ. Эллинство ориентализировалось — политически, расово, культурно, духовно, религіозно-церковно-исторически. Западный центръ христіанства — Римъ переживалъ параллельно аналогичный синкретическій процессъ. Но его задача оказывалась неизмѣримо легче для христіанскаго, церковнаго сознанія. Старые варвары покорные Риму и новыя волны ихъ, занесенныя переселеніемъ народовъ, не таяли въ себѣ какой-либо значительной религіозной идеи. Риму легко было самому хранить ортодоксію церковнаго преданія при его римскомъ позитивизмѣ, чуждомъ метафизическихъ фантазій. Римское сѣянне на нивѣ западныхъ варваровъ не родило чертополоха. Если и было засореніе въ видѣ вандальскаго и вестъ-готскаго арианства то это была сорная трава и зараза, захваченная на перепутьи отъ того же

восточного христианства. Высшему управляющему центру Востока — Византии в этом великом процессе общего и христианского синкретизма пришлось разрешать задачу неизмеримо более трудную, чем Риму. Восток одарен религиозным гением. Эллинизм одарен гением метафизическим. Вершины двух родственных устремлений — Афины и Иерусалим, не могли не создать в синкретическом переживании религиозных проблем новых искусственных вихрей и даже темных духовных смерчей. Таков естественно-исторический фон, на котором суждено было Великой Византии усвоить и осмыслить, в конгенальных ей формах мысли и благочестия, великое наследие Божественного Откровения.

Нежданно негаданно пришла эта священная «зараза» под гордые портики Афин из маленького Иерусалима, точнее — от полу-помадов Виолеема и Назарета. И... — окаменели в столбняк вечной смерти непревзойденные по красоте мраморы Паренона, лики ризца Фидия и Праксителя. Дух жизни безвозвратно покинул их. А сердца бывших поклонников этой безспорной, но отныне навсегда мертвой красоты, загорелись очарованием новой, высшей, духовной, небесной красоты, красоты инобытия. Но, поднявшись в сферы инобытия, эллинские сердца и умы естественно внесли туда запросы своей утонченной диалектики и метафизики. Начался процесс освоения с иррациональной мистикой «благой вѣсти» об искуплении, спасении и сбоженіи. И — процесс усвоения ее в интерпретации изощренной эллинской философии. И если бы это новое обогащение классической греко-римской души откровением Палестины развивалось и протекало в рамках только старого средиземноморского бассейна, то, вероятно, не было бы тех глубоких духовных заболѣваний, тех мук преодоления неизбывных ересей, которыми отмечено первое тысячелетие церкви и собственно церкви Восточной. Но в недрах культурно-имперского эллинизма, ставшего во всем своем вселенском охвате мѣсторазвитіем христианской церкви, кроме ведущей эллинской расы оказались инородцы, одаренные особой, восточной энергией религиозного горения: и кушиты, и семиты, и арийцы, копты, арабы, сирійцы, персы. Им классическая греко-римская ортодоксия казалась очень холодной, ее гармоничность (Халкидон) прѣсной. Их тянули к себе трагические диссонансы дуализма и спиритуализма. В этом корень заразы монофиситства, так долго волновавшей и всю христианскую вселенскую церковь и особенно мучительно и изнурительно — ее восточную, греческую половину. Последняя растрачивала много сил на борьбу с этой расовой еретичностью своих инородческих чад, а за ними и своих собственных сынов. По временам казалось, что с такими усилиями достигавшіяся директивы рѣдких вселенских соборов останутся мертвой буквой, «клочком бумаги», не одолят стихійного господства еретических вкусов народных масс. Но... как из воды потоп, церковь вновь и вновь выходила побѣдительницей. Однако какой цѣной! Цѣной внешнего умаления, цѣной потери обширных восточных областей и цѣлых народов.

Поэтому не надо себя строить иллюзий, будто послѣ достигнутого вѣроопредѣления одного вселенского собора до другого собора, соби-

раемого противъ новой ереси, церковь жила въ относительномъ покоѣ и догматическомъ здоровьѣ. Увы, нѣтъ. Отъ собора до собора, десятилѣтїями и столѣтїями тянутся не просто споры на тѣ же темы, о тѣхъ же вопросахъ, но и церковные и политическіе конфликты, волненїя, потрясенїя и расколы. Ими наполнено и все время между IV Вселенскимъ Халкидонскимъ Соборомъ 451 г., 1500-лѣтнюю годовщину котораго мы отмѣчали два года тому назадъ въ 1951 г., и — Юстиніановымъ Кплскимъ Соборомъ 553 г., V Вселенскимъ, который мы вспоминаемъ сегодня. Много воды утекло за это столѣтїе въ византїйской церкви. Повѣствованїе объ этомъ потребовало бы многихъ часовъ. Тутъ передъ нами прошелъ бы рядъ официальныхъ измѣнъ императорской власти халкидонской христологїи, компромиссовъ, вызвавшихъ даже первое 34-лѣтнее раздѣленїе церковей — римской и Кплской (съ 484 г. по 518 г.). Но искусственно перешагнувъ черезъ столѣтїе, перейдемъ прямо къ творцу и виновнику V Вселенскаго Собора, знаменитому императору Юстиніану I Великому (527-565 гг.).

Не всуе прозванный Великимъ, Юстиніанъ приведенъ былъ на тронъ послѣ блестящей спеціальной подготовки его дядей, императоромъ Юстиномъ I. Самъ Юстинъ былъ безграмотный солдатъ, подписывавшїй императорскїе указы, водя стилемъ по трафарету, вырѣзанному на золотой пластинкѣ. Но цѣну образованїю онъ зналъ и своего влемянника Юстиніана, отъ природы даровитаго, онъ провель по всѣмъ ступенямъ греческой школы до высшей включительно. Кромѣ общаго классическаго Юстиніану сообщено было спеціально юридическое образование.

Продолжая обычай, заведенный императоромъ Львомъ I, Юстиніанъ короновался церковно съ миропомазанїемъ. Коронована была съ нимъ и жена его василисса Феодора. Феодора была дочерью хранителя звѣринца на столичномъ ипподромѣ. Рано втянута была въ жизнь цирковой актрисы. И, какъ яркая красавица, вовлечена на путь громкихъ походовъ, отъ которыхъ даже бѣжала въ Александрію. Тамъ она пережила рѣзкій духовный переломъ. Ее заинтересовали Фиваидскїе подвижники. Она вернулась въ Кплъ другимъ человѣкомъ. Увидѣвшїй ее соправитель Юстина, еще молодой Юстиніанъ, сразу влюбился, женился на ней и нашель въ ней вѣрную жену, мужественную совѣтницу въ самыхъ большихъ вопросахъ церковной и имперской политики. Феодора была умна, властолюбива и охотно вмѣшивалась въ государственныя дѣла. Создалось на практикѣ размежеванїе ролей въ большомъ государственномъ дѣлѣ. Мужъ проводилъ общїя линїи политики, жена интересовалась конкретной стороной: назначенїемъ лицъ на должности. Сановники и политики очень считались съ Феодорой и стремились черезъ нее проводить разные планы.

Выдающимся примѣромъ роли Феодоры можетъ служить исторїя усмиренїя бунта 11.I.523 г., получившаго названїе «ника» (νίκα) Боровшіеся обычно между собою цирковыя и вмѣстѣ политическія партїи «зеленыхъ» и «голубыхъ» на этотъ разъ столкнулись вмѣстѣ противъ Юстиніана. Бунтъ принялъ грандіозные размѣры. Подожжены были центральныя зданїя. Сгорѣли и разрушены: старая Св. Софія, Св. Ирина, Сенатъ, Термы и цѣлая часть города. Претендентами бунтов-

щики выдвигали Ипатія и Помпея, племянниковъ бывшаго императора Анастасія. Юстиніанъ, собравъ деньги и сокровища, уже хотѣлъ бѣжать. Одна Θεодора повернула дѣло. Явилась передъ Синклитомъ и убѣдила возобновить борьбу. Брошены деньги на подкупы, и бунтовщики раздѣлились. Привели въ порядокъ и вооруженныя силы. Подъ командой знаменитаго Велизарія и Мунда (остъ-гота) возобновилась борьба, начиная съ ипподрома. Бунтовщики раздавлены и безжалостно избиты въ количествѣ 30.000. Ипатій и Помпей казнены. Порядокъ возстановленъ.

Θеодора чувствовала себя по праву у власти. Послѣ тяжелаго опыта своей молодости, она искренно тяготѣла къ благочестію и была почитательницей аскетовъ Востока. Есть гипотеза о сирской родинѣ семейства Θεодоры. Она была знакома съ Севиромъ еще до замужества съ Юстиніаномъ, Севиръ именуеъ ее «царицей, которая чтитъ Христа». Для Юанна Эфесскаго она «правовѣрная царица». Михаилъ Сиріянинъ свидѣтельствуетъ, что она ревновала о мирѣ церковей больше, чѣмъ мужъ, и побуждала его работать въ этомъ направленіи. Восточное монашество, чтимое Θεодорой, было носителемъ монофиситской заразы. И съ заразой и съ монашествомъ боролась систематически высшая государственная власть. Но борьба была сложная, до виртуозности религіозно-компромиссная. Уніональные компромиссы имперскаго православія съ монофиситствующими монахами и цѣлыми провинціями начались столѣтіемъ раньше Юстиніана и продолжались еще столѣтіе послѣ него. Зная расположеніе къ себѣ на верхахъ власти въ лицѣ Θεодоры, монофиситствующіе монахи Востока стимулировали черезъ Θεодору церковную политику Юстиніана все время въ сторону этого рода уніонализма. Историки Евагрій и Прокопій даютъ даже обобщенное изображеніе раздѣленія ролей въ этой политикѣ въ цѣляхъ укрѣпленія политическаго единства имперіи, подрываемаго національно-еретическими сепаратизмами. Было выгодно, чтобы около верховной власти сосредоточивалась надежда на милость и благоволеніе къ диссидентамъ. Для Юстиніана это было одной изъ гарантій, что въ случаѣ побѣды диссидентовъ онъ не будетъ обязательно сброшенъ съ трона, если монофиситы останутся друзьями Θεодоры. Тогда и въ случаѣ революціи династія уцѣлѣетъ. Когда гонимые монахи монофиситы въ Сиріи въ озлобленіи оскорбляли портреты Юстиніана, они въ то же время молились о здравіи «благочестивѣйшей государыни» и желали ей побѣдить «несторіанствующаго синодита», т. е. своего мужа. Съ другой стороны православные, видя уступки Юстиніана монофиситамъ, приписывали это дурнымъ вліяніямъ Θεодоры и желали Юстиніану поскорѣе избавиться отъ нея.

**
*

Монофиситскіе историки датируютъ пятымъ годомъ Юстиніана (531 г.) измѣненіе его политики въ сторону для нихъ благоприятную благодаря вліянію Θεодоры. Монахи, изгнанные за ересь изъ монастырей (особенно изъ Амиды и Эдессы) получили дозволеніе вернуться къ себѣ. Часть ихъ по собственной инициативѣ стянулась къ монахолюбивому КПлю, а часть пристала въ качествѣ свиты къ 8-ми изгнан-

нымъ епископамъ, вызваннымъ теперъ Юстиніаномъ въ столицу для уговоровъ. Въ такомъ порядкѣ этихъ такъ наз. «месопотамцевъ» собралось въ КПль цѣлыхъ полтысячи. И уже совсѣмъ не случайно, а планомерно, это множество нашло себѣ гостепріимный пріютъ рядомъ съ императорскимъ Дворцомъ, въ такъ называемыхъ Палатахъ Гормизды. Августѣшая покровительница не желала дѣлать вызова общественному мнѣнію. Монофиситствующимъ гостямъ запрещено было свободно бродить по городу, но внутри Дворца они получили полную свободу священнослуженія и уставной жизни. Распространялась молва объ ихъ аскетическихъ подвигахъ, а царица внимательно выслушивала ихъ духовническіе совѣты. Въ такой, полной двусмысленности атмосферѣ, утвердившейся на тронѣ Юстиніанъ безотлагательно приступилъ къ опытамъ своей уніонистской, въ церковныхъ и политическихъ цѣляхъ, программы. Онъ организовалъ во дворцѣ Гормизды серію очень обходительныхъ и ласковыхъ по отношенію къ еретикамъ богословскихъ диспутовъ съ ними. Но общій результатъ ихъ былъ количественно ничтоженъ, ибо массы не тронулись. Однако Юстиніанъ, какъ юристъ и истый государственникъ, былъ носителемъ острозознаваемой отвѣтственности за судьбы Ромейской имперіи и Вселенской церкви. Онъ искренно сознавалъ себя обязаннымъ по долгу православнаго василевса искать все новыхъ и новыхъ компромиссовъ съ антихалкидонскимъ богословіемъ.

Уже задолго до Юстиніана византійское правительство признавало свое безсиліе удерживать въ строгомъ безкомпромиссномъ православіи обширные тогда восточные патріархаты — Александрійскій, Іерусалимскій, Антіохійскій. Теперь подъ угломъ зрѣнія Θεодоры и Юстиніана верховная власть имперіи обязана была идти на максимальныя соглашенія. По пословицѣ «желаніе есть отецъ мысли», и въ своемъ искреннемъ богословскомъ мышленіи Юстиніанъ самъ сталъ на покатую плоскость — вплоть до своего предсмертнаго соблазна на крайнюю форму монофиситства. Въ теченіе двухъ десятилѣтій царская чета упорно и безуспѣшно занималась вмѣшательствомъ въ мѣстную борьбу церковныхъ партій и проведеніемъ на каѳедры патріарховъ угодныхъ ей возглавителей изъ умѣренно монофиситствующихъ богослововъ. И, хотя правительство официально запрещало созданіе и размноженіе монофиситскаго епископата, но его двусмысленная, компромиссная политика не только не помѣшала іерархической организации монофиситства подпольными и нелегальными путями, но, при прямомъ содѣйствіи Θεодоры, искусственно размножила монофиситскія хиротоніи и прямо создала и укрѣпила историческое существованіе монофиситскихъ церквей вплоть до нашихъ дней.

Въ 535 г. Θεодора провела въ патріархіи КПля еп. Трапезундскаго Анеѿма, искренняго аскета, но столь же искренняго и монофисита умѣреннаго толка, идеологомъ котораго былъ Севиръ, очень умный богословъ, нелегальный «патріархъ Антіохійскій». Онъ даже осмѣлился пріѣхать въ столицу по вызову Анеѿма. У Θεодоры и Юстиніана опять оживились надежды на привлеченіе въ лоно государственной церкви монофиситствующихъ низовъ. Но православные іерархи подъ водительствомъ дѣйствительнаго Антіохійскаго патріарха Ефрема, обрати-

лись съ призывомъ къ римскому папѣ Агапиту — произвести необходимую «чистку» на верхахъ столичной церковной политики. Вѣрные Риму въ борьбѣ съ ересями КПльскіе монахи-«акимиты» (орденъ «неусыпающихъ»), въ союзѣ 67 КПльскихъ монастырей и многихъ сиропалестинскихъ, подали папѣ коллективное ходатайство — выгнать монофистскій штабъ изъ столицы. Навстрѣчу этому вызову папы, пришла и политическая необходимость. Агапита побудилъ ѣхать къ Юстиніану для мирнаго соглашенія тѣснимый византійскими войсками готскій король Теодатъ, въ ту пору еще владѣвшій Римомъ.

Пріѣздъ папы временно сорвалъ успѣхи монофиситствующей интриги. Еретичествующій, но честный патр. Анѳимъ, не вступая въ общеніе съ папой, самъ покинулъ свое мѣсто, и папа Агапитъ самъ посвятилъ на патриаршество строгаго халкидонца Мину. Хотя папа и умеръ скоропостижно въ КПлѣ, но соборъ утвердилъ его рѣшеніе въ присутствіи представителей папы: 6 итальянскихъ епископовъ и 5 римскихъ діаконовъ, въ числѣ коихъ были и будущіе папы: Вигилій и Пелагій.

Огорченная Θεодора рѣшила теперь сдѣлать «подборъ» и въ замѣненіи патриарха 1-го Рима съ тѣмъ, чтобы гарантированно проводить свою про-монофиситскую линію. Задача очень смѣлая, но при абсолютной монархической власти оказавшаяся не столь фантастической, хотя политическое обладаніе Римомъ все время захватывалось у Византіи готами. Въ данный моментъ у Θεодоры былъ свой кандидатъ на папство: апокрисиарій Вигилій.

Вигилій происходилъ изъ аристократической римской фамиліи. Рукоположенъ въ діаконы папой Бонифаціемъ IV, по смерти котораго (532 г.) стремился стать его преемникомъ черезъ протекцію готскаго правительства. Но, съ переходомъ въ 536 г. Рима въ руки Византійскаго Двора, Вигилій естественно перенесъ свои расчеты на протекцію КПля. Въ 533 г. онъ пріѣзжаетъ туда апокрисиаріемъ отъ Рима. Когда въ 536 г. въ КПль прибылъ папа Агапитъ, Вигилій уже снискалъ благоволеніе Θεодоры. А Θεодора поставила ставку на него: какъ на будущаго папу, который согласится на смягченное толкованіе формулъ Халкидона съ прибавкой повторныхъ анаѳемъ на несторіанъ въ угоду массамъ Востока. Когда Агапитъ скончался въ КПлѣ (536 г.), Вигилій съ его тѣломъ успѣшилъ вернуться въ Римъ въ расчетѣ пройти теперь же на выборахъ въ преемники Агапиту. Но... опоздалъ, былъ уже избранъ Сильверій, оказавшій Велизарію прямую услугу при захватѣ Рима изъ рукъ Теодата Готскаго. Однако пришелъ приказъ изъ КПля — обвинить въ политической измѣнѣ Сильверія, убрать его и замѣнить Вигиліемъ. Тогда Велизарій и особенно жена его Антонина цинично провели искусственный клеветническій процессъ противъ Сильверія, и онъ былъ удаленъ въ ссылку, а на его мѣсто поставленъ Вигилій. Цѣной этой неправды Вигилій сталъ папой. Но на немъ повисли тяжелыя обязательства предъ Θεодорой, а потомъ и предъ Юстиніаномъ. Дорская расплата за карьеру стала завязкой не только личной драмы Вигилія, но и болѣзненной драмы всего V Вселенскаго Собора.

Въ эту драму внѣшне вплетается эпизодъ борьбы Юстиніана съ монахами оригенистами и оригенизмомъ. Повѣствованіе объ этой борьбѣ не входитъ въ задачу настоящей рѣчи. Но упоминаніе о ней неизбежно въ двухъ пунктахъ. Пунктъ важнѣйшій состоитъ въ томъ, что благодаря неточности учебниковъ распространилось ошибочное мнѣніе, будто Оригенъ и его ученіе анаеаметствованы V Вселенскимъ Соборомъ, чего на самомъ дѣлѣ не было. Дѣло оригенистовъ разбиралось и осужденіе Оригену вынесено мѣстнымъ КПльскимъ соборомъ, который предшествовалъ V Вселенскому Собору въ томъ же 533 г. Положеніе было такъ остро, что Юстиніанъ послѣ этого вынужденъ былъ разгромить палестинскихъ оригенистовъ военно-полицейскими мѣрами. Пунктъ второй сводится къ бытовому факту, что одинъ изъ тайныхъ вождей оригенизма, митрополитъ Кесаріе-Кападокійскій Θεодоръ (Аскида) проживалъ длительно при дворѣ Юстиніана на положеніи придворнаго епископа и приближеннаго совѣтника императора по дѣламъ церковнымъ и богословскимъ. Когда разгорѣлось съ 539 г. дѣло объ оригенизмѣ палестинскаго монашества, Юстиніанъ увлекся этимъ вопросомъ, какъ богословъ-любитель и къ 545 г. самъ написалъ противъ оригенизма остро-обвинительный трактатъ, закончивъ его 15-ю анаеаметизмами. Не мобилизуя пока никакихъ соборныхъ органовъ церкви, Юстиніанъ съ кесаро-папистической убѣжденностью самъ беретъ на себя инициативу догматическихъ сужденій и приговоровъ, приглашая церковную соборность только присоединить свою подпись къ оформленному уже рѣшенію автократора. Онъ издаетъ свое догматическое сужденіе въ формѣ эдикта (543 г.) и адресуетъ его патриарху Минѣ съ просьбой одобрить его черезъ постоянный соборъ при патриархѣ, а затѣмъ потребовать отъ лица этой практически высшей инстанціи церковной власти въ патриархатѣ отъ всѣхъ епископовъ и всѣхъ игуменовъ монастырей, чтобы они непрекословно подписали царскій эдиктъ. Такое же властное предложеніе отправлено и другимъ патриархамъ и папѣ Вигилію. И всѣ на этотъ разъ охотно, безъ борьбы подписали. Подписали его лукаво и цинично и Θεодоръ (Аскида) и его единомышленникъ Дометіанъ Анкирскій. Но задумали взять реваншъ обходнымъ путемъ. Имъ — оригенистамъ была ближе александрійская линія богословія и за ней монофиситская, чѣмъ линія римская, оправдывавшая школу антиохійскую. Надо было рѣшительно осудить ея главарей, а не оправдывать ихъ, какъ это слѣлалъ Халкидонскій соборъ по отношенію къ Θεодориту (епископъ 433-458 гг.) и Ивѣ (епископъ 435-456 гг.). Такъ образомъ, оригенизмъ, по суду его вождей, родствененъ психологически и доктринально господствующему на Востокѣ александрійско-кирилловскому богословію съ тенденціей къ монофиситству. Слѣдовательно — въ интересахъ оригенизма было — дезактивировать, ослабить халкидонскую ортодоксію, ея римско-антиохійскій «перегибъ». Это было бы не только на пользу оригенизма, но это открывало бы путь къ той главной цѣли, которой добивается императоръ Юстиніанъ: воссоединить съ имперской церковью монофиситскій Востокъ. Для этого надо оторвать богословствующаго императора отъ

слѣпого угожденія Риму. Хитрому Θεодору Аскидѣ не составило большого труда повернуть на эти рельсы все мышленіе Юстиніана. Близость Θεодора Аскиды ко Двору и хитроумное самоукрывательство черезъ такое достиженіе блестяще оправдались. Юстиніанъ на этогь путь охотно вступилъ. Его традиціонное церковное ромофильство рѣшительно разорвало съ консервативнымъ послушаніемъ Риму и перешло на путь борьбы съ папствомъ за новый синтетическій методъ каѳолическаго богословія, идущій искренно навстрѣчу антиримскимъ и антиантіохійскимъ вкусамъ восточнаго большинства. Въ этомъ сказался вѣрный инстинктъ императорской власти въ видахъ сохраненія самаго бытія единой имперіи. Ея реальная голова со столицей на Босфорѣ включила въ свое самосознаніе религиозное сердце Востока съ его расово-національнымъ тяготѣніемъ въ монофиситству. Пренебръчь этимъ восточнымъ тяготѣніемъ къ спиритуалистическому монизму въ «Ромейской» имперіи, со времени Юстиніана ставшей Византійской, а не Римской, было уже невозможно. Но и пойти слѣпо на поводу у этого ориентальнаго тяготѣнія было бы тоже фатальной ошибкой, измѣной каѳолическому православію и окончательнымъ отравленіемъ монофиситской ересью. Вопросъ всталъ о томъ — быть или не быть православію на Востокѣ? Какъ глубокая органическая болѣзнь, какъ длительное искушеніе, онъ залегъ въ нѣдрахъ Византійской имперіи и восточной церкви надолго. Онъ потребовалъ для его изживанія и преодоленія цѣлыхъ трехъ столѣтій и въ нихъ — трехъ вселенскихъ соборовъ: V, VI и VII-го. Такимъ образомъ маленькая интрига маленькаго Θεодора Аскиды попала въ точку. Общій ходъ исторіи ей благопріятствовалъ. Юстиніанъ и Θεодора — умные и одаренные носители имперскаго и церковнаго сознанія все равно и безъ этой интриги въ той или иной формѣ, на томъ или иномъ конкретномъ матеріалѣ, должны были исполнить зовъ исторіи: — для спасенія единства имперіи и церкви утолить въ какой-то мѣрѣ жажду церковнаго Востока, а именно ослабить какими-либо компромиссами тяготившую Востокъ силу обязательности халкидонскаго богословія.

Юстиніанъ въ дворцовой библіотекѣ проводилъ не мало времени въ бесѣдахъ съ монофиситскими монахами, собранными Θεодорой. Въ этой-то обстановкѣ Θεодоръ Аскида и подкинулъ проектъ особаго торжественнаго осужденія нѣсколькихъ «главъ» или главарей — вождей антіохійской богословской школы за еретическіе уклоны ихъ богословія. А главное — осужденіе этихъ трехъ главарей антіохійской школы, прощенныхъ и пощаженныхъ Халкидонскимъ соборомъ, было бы въ глазахъ монофиситскихъ массъ самымъ безспорнымъ эмпирическимъ доказательствомъ несторіанства Халкидона и оправданіемъ ихъ отдѣленія отъ имперской каѳолической церкви. Юстиніанъ загорѣлся мечтой черезъ это разрѣшить казалось неразрѣшимую задачу: — вернуть въ лоно церкви (значитъ и имперіи) обширныя территоріи инородческой Азіи и Африки. Ухватилась за это и Θεодора. Юстиніанъ рѣшилъ и этотъ узелъ разрубить уже принятымъ имъ автократическимъ, анти-соборнымъ методомъ: императорскимъ указомъ съ послѣдующими на немъ подписями епископата. Такъ родился многоплачевный актъ, поло-

живший начало болѣзненному и длительному спору и не менѣе болѣзненному V Вселенскому Собору по вопросу

«О трехъ главахъ»
(544 г.)

Курьезъ исторіи въ томъ, что этотъ знаменитый эдиктъ, изъ-за котораго пролито столько чернилъ, пота, слезъ и крови (= жизней) человѣческихъ, изъ-за котораго раскалывались на столѣтія церкви, такъ и не сохранился до нашего времени полностью. Дошли до насъ лишь отрывки на латинскомъ языкѣ въ полемическомъ трактатѣ противъ Юстиніанова дѣйства (*Pro defensione trium capitulorum*), вышедшемъ изъ-подъ пера Факунда, епископа Герміанскаго (Африка). Извѣстно еще общее содержаніе эдикта изъ собственнаго письма Юстиніана къ Африканскому епископу Понтіану.

Вотъ три отрывка изъ Факунда:

1) «Кто называетъ правильнымъ нечестивое посланіе, приписываемое авторству Ивы (*quae dicitur ab Iba esse facta*), или кто поддерживаетъ его, а не анаѳематствуетъ, какъ дурно отзывающееся о Кириллѣ... и порицающее 12 главъ Кирилла, нападающее на первый Ефесскій соборъ» (т. е. 431 г.), а Несторія защищающее и Θεодора Мопсуестійскаго похваляющее — тотъ да будетъ анаѳема.

2) Кто утверждаетъ, что мы изрекли это съ цѣлью уничтоженія или устраненія свв. отцевъ, бывшихъ на Халкидонскомъ Соборѣ, тотъ да будетъ анаѳема.

3) Стоить только заглянуть въ посланіе къ Марѣ, чтобы увидѣть, какъ оно все сплошь безбожно и нечестиво, почему восточная церковь и анаѳематствуетъ Θεодора».

Благодаря совпадению числа этихъ трехъ пунктовъ — анаѳематизмовъ (*κεφάλαια* = «главы») съ числомъ трехъ пререкаемыхъ «главарей» антиохійской школы (т. е. Θεодора, Ивы и Θεодорита), терминъ «три главы» сталъ неточно и двусмысленно употребляться и въ приложеніи къ нимъ троемъ.

Юстиніанъ, разъ уже успѣшно вступившій на путь авторитарнаго декретирования по вопросамъ вѣры, и въ данномъ случаѣ не задумался потребовать безсоборныхъ, индивидуальныхъ подписей всего епископата. Патр. Мина не безъ колебаній подписалъ декретъ съ условіемъ взять подпись обратно, если папа римскій не дастъ своей подписи. Діакону Стефану, новому апокрисиарію римскому (Пелагій уже уѣхалъ въ Римъ), епископы «синодос — эндимуса» жаловались, что вслѣдъ за Миной они «вынуждены» подписаться. Стефанъ уперся и порвалъ сношенія со всѣми подписавшимися, начиная съ Мины. Протестовали сначала и Ефремъ Антиохійскій и Зоиль Александрійскій, но подъ угрозой низложенія сдались и подписали, правда обусловивъ окончательную дѣйствительность подписи согласіемъ на тоже и римскаго папы. Петръ Іерусалимскій сначала объявилъ актъ Юстиніана противнымъ Халкидонскому собору, но, вызванный въ КПль и послѣ уговоровъ Θεодоры и Θ. Аскиды, сдался и подписалъ. Также нехотя и по

примѣру старѣйшихъ подписывались и провинціальныя епископы. Всѣ ждали, какъ отнесется къ императорскому декрету Вигилій Римскій, ставленникъ Юстиніана и Θεодоры и потому морально несвободный. Вигилій поначалу не смѣлъ и подумать пойти противъ византійскаго Двора. Но пока онъ медлилъ, весь Западъ единодушно возсталъ. Датій Миланскій, оказавшійся въ моментъ изданія эдикта въ столицѣ, немедленно отправился въ Италію подымать протестъ. Въ КПль остался единомысленный съ нимъ молодой и литературный еп. Германскій Факундъ, подробно изложившій вскорѣ всю аргументацію западной церковной мысли, отвергавшей въ корнѣ затѣю Юстиніана. [Это знаменитые «*Libri XIII pro defensione trium capitum*» (предметъ магистерской диссертациі проф. А. П. Доброклонскаго)]. Въ самомъ КПль агитировали діаконы Пелагій и Анатолій. Они освѣдомили владѣвшаго перомъ діакона Карѳагенской церкви Фульгенція Ферранда, чтобы онъ протестовалъ отъ лица всей Африки. И тотъ началъ писать свой протестующій трактатъ для соборнаго оформленія голоса африканскаго епископата. Трактатъ извѣстенъ подъ именемъ «Письма въ Римъ». Юстиніанъ съ Θεодорой рѣшили извлечь изъ римской среды Вигилія и привезти въ КПль. Благовиднымъ предлогомъ была ненадежность сидѣнія папы въ Римѣ. Остготскій король Тотила почти осаждалъ Римъ. Защитная армія сконцентрировалась въ зарѣчной части города (нынѣ Trastevere). Папа былъ тамъ въ церкви. св. Цециліи. Секретарь императора Анѳимъ явился съ приказомъ эвакуировать папу въ Сицилію, въ Сиракузы. Вигилій былъ погруженъ на барку, которая по Тибру доставила его въ Остію, а тамъ папу пересадили на морской корабль, идущій въ Сиракузы. Сицилійское пребываніе Вигилія было мѣстомъ свободнаго воздѣйствія на него всего западнаго церковнаго мнѣнія. Сюда прибылъ Датій Миланскій для открытія глазъ папѣ на опасность подрыва авторитета Халкидонскаго Собора, заложенную въ Юстиніановомъ ультиматумѣ. Въ Сиракузы доставлено изъ Карѳагена и соборное отрицаніе африканцевъ, опирающееся на докладъ Фульганція Ферранда. Въ серединѣ лѣта 546 г. прибыли и посланцы отъ Зоила Александрійскаго, готоваго взять назадъ свою вынужденную подпись подъ императорскимъ декретомъ. Осенью 546 г. Вигилія доставили въ Византію, выгрузили въ Патрасъ и черезъ Иллирикъ повезли сухимъ путемъ. Встрѣчаясь и здѣсь съ протестами противъ злополучнаго эдикта, Вигилій утвердился въ своемъ рѣшеніи также сопротивляться ему и написалъ объ этомъ заранѣе и Юстиніану и патр. Минѣ.

Не взирая на это, Юстиніанъ встрѣтилъ папу съ официальнымъ почетомъ и помѣстилъ во дворцѣ Плакідіи, игравшемъ роль римской амбассады. Но тотчасъ же началось и дипломатическое давленіе на папу. На разрывъ съ патр. Миной послѣдній отвѣтилъ вычеркиваніемъ имени Вигилія изъ диптиховъ. Это было для Вигилія только еще ничтожнымъ началомъ все возраставшихъ мучительныхъ искушеній.

Въ декабрѣ на поддержку Вигилія прибылъ въ КПль изъ Рима Пелагій въ новой экстренной роли посла отъ завоевателя Рима, Тотилы съ предложеніемъ мира Юстиніану. За отсутствіемъ папы діаконъ Пе-

лагій являлся вождемъ и возглавителемъ римскаго клира. Несмотря на временное уничтоженіе Рима варварскимъ завоеваніемъ, церковное самосознаніе западнаго епископата было твердо оппозиціонно компромиссному догматствованію Византійской власти. Вигилій въ КПлѣ могъ и долженъ былъ опираться на эту законную соборную базу. Но самъ Вигилій, безъ помощи такого знатока восточнаго богословія, какъ Пелагій (который въ началѣ 543 г. долженъ былъ вернуться въ Римъ), плохо разбирался въ восточныхъ тонкостяхъ. А здѣсь, въ «гостяхъ» у Юстиніана и Θεодоры, онъ подвергся настойчивой обработкѣ. Папу заставили перечитать специально подобранныя цитаты изъ невѣдомыхъ ему писателей: Θεодора Мопсуэстійскаго, Ивы Эдесскаго и Θεодорита Киррскаго. Папу увѣрили, что осужденіе отдѣльныхъ мыслей лицъ, хотя и оправданныхъ въ цѣломъ Халкидонскимъ соборомъ, не разрушаетъ авторитета собора. Но какими великими пріобрѣтеніями для церкви вознаградится эта маленькая уступочка! Будто бы чуть не всѣ монофиситы вернутся въ ея лоно. Папа надломился, уступилъ. Онъ общалъ устно не противиться осужденію въ условленномъ смыслѣ трехъ восточныхъ авторитетовъ. Но императорская чета вырвала у него нѣчто большее. Вигилій выдалъ ей въ видѣ ручательства — твердо стоять на указанномъ осужденіи еще два письма секретныхъ. Трудно удержаться отъ естественной гипотезы, что эта малодушная уступка Вигилія была расплатой за грубую государственную протекцію ему въ полученіи папской кафедрѣ. Но послѣ этого патр. Мина 29 іюня (день Петра и Павла) 547 г. немедленно вступилъ съ папой въ общеніе, возстановилъ его имя въ диптихахъ. Юстиніанъ на радостяхъ хотѣлъ сейчасъ же вырвать подпись и подъ его эдиктомъ «о трехъ главахъ». Но папа въ публичномъ собраніи имѣлъ смѣлость заявить Юстиніану: «Я вашъ плѣнникъ, но еще не самъ апостолъ Петръ». Нужно соблюсти привилегіи римской кафедрѣ: — судить обо всемъ сначала самостоятельно. Указалъ на наличность уже взволнованныхъ и собравшихся въ КПлѣ въ количествѣ около 70 епископовъ западнаго патріархата не подписавшихъ эдикта. Папа долженъ съ ними сначала какъ *judex* имѣть соборное совѣщаніе — *judiciū* и вынести законное сужденіе о вопросѣ: — *judicatum*. Конференція состоялась. Слово взялъ специалистъ въ вопросѣ, уже работающій надъ своими *Libri XII pro defensione trium capitulorum*, епископъ африканской Герміаны, Факундъ: «Покорнѣйше прошу, Ваше Святѣйшество, разслѣдовать вопросъ, дѣйствительно ли было принято на Халкидонскомъ соборѣ посланіе Ивы, которое эдиктъ осуждаетъ, какъ несторіанское? По моему мнѣнію осужденіе Θεодора Мопсуэстійскаго дѣло не столь важное, чтобы изъ-за него идти на разрывъ съ Миной. Этого осужденія, конечно, нельзя одобрить, но все же можно съ нимъ мириться. Я лично прервалъ общеніе съ Миной просто потому, что убѣжденъ, что все это дѣло клонится во вредъ Халкидонскому собору».

«Вотъ этого то я и не знаю», возразилъ Вигилій, «въ этомъ то я и неувѣренъ, что такъ называемое Посланіе Ивы было принято на Халкидонскомъ соборѣ».

«Въ такомъ случаѣ — увѣренно заявилъ Факундъ — «благоволите разрѣшить мнѣ первому представить на это доказательства. Я надѣюсь

прояснить, что фактъ принятія этого посланія соборомъ отвергають совершенно напрасно. Позвольте мнѣ открыть секретную сторону этихъ затѣй, направленныхъ противъ авторитета Халкидонскаго Собора». Грозно засверкавшій прожекторъ такого увѣреннаго предисловія привелъ папу Вигилія въ трепетъ. Онъ явно испугался обнаженія его лукавства и робкихъ секретовъ. Смутился и закрылъ засѣданіе, предоставивъ епископамъ каждому индивидуально выразить письменно свое сужденіе. Факундъ свидѣтельствуесть, что императорскій чиновникъ далъ покинутымъ папой епископамъ ультимативный срокъ для отвѣтовъ, всего — 7 дней и изъ нихъ два праздничныхъ. Правительственное давленіе возымѣло свое дѣйствіе. Подавляющее большинство, изъ солидарности и жалости къ своему папѣ, явно подавленному очевиднымъ дворцовымъ плѣномъ, негласно узнавъ о его готовности къ компромису, согласилось принять византійскій опытъ осужденія «трехъ главъ» ради высшихъ интересовъ церкви. Получивъ въ свои руки письменныя заключенія отъ епископовъ, Вигилій въ томъ же духѣ написалъ и свой **judicatum**, съ сильными оговорками въ пользу авторитета Халкидонскаго Собора. Всю эту пачку документовъ Вигилій передалъ во Дворецъ. Въ частности свой **judicatum**, онъ адресовалъ патріарху Миніѣ въ самую великую субботу 11.IV.548 г. На допросъ западныхъ собратій, почему онъ такъ поступилъ, Вигилій какъ-то растерянно и неубѣдительно говорилъ: «Я, право же, какъ и вы, не за это предпріятіе, противное авторитету Халкидонскаго Собора, и не желалъ хранить у себя эти компрометирующія бумаги. Еще пожалуй попадутъ въ архивъ нашей св. римской церкви, и кто-нибудь послѣ подумаетъ, что мы и въ самомъ дѣлѣ одобряли осужденіе трехъ главъ. Я снесъ ихъ во Дворецъ, и пусть дѣлаютъ съ ними, что хотятъ». Жалостное впечатлѣніе производять эти «слова лукавствія», маскируемая искусственно наивностью. Все та же дльщящая расплата Вигилія за карьеру. Еще горше на дѣлѣ оказывалось то, что буква **Judicatum'a** была бесполезна для Юстиніана въ дѣлѣ снисканія благоволенія у монофиситовъ. Нисодинъ изъ нихъ не могъ согласиться съ прославленіемъ Халкидона.

Смерть 29.VI.548 г. Феодора принесла папѣ значительное облегченіе. Отпало одно личное давленіе какъ разъ въ тотъ моментъ, когда опубликованіе **judicatum'a**, ничуть не покоровивъ сердце монофиситовъ, подняло бурную волну протеста Запада, частично *de facto* уже независимаго отъ Византіи (Галлія, Испанія), полузависимаго (Италія, Африка) и зависимаго (Далматія, Иллирикъ). Такъ соборность Запада подрывала *de facto* самое торжественное высказываніе папы *ex sese, sed non ex consensu ecclesiae*. Въ церкви всегда такъ было и будетъ, вопреки несчастной формулѣ Ватиканскаго собора 1871 г.

Литературнымъ выразителемъ богословскихъ настроеній Запада явился ясно мыслящій и блестяще писавшій діаконъ Карфагенской церкви Фульгенцій Феррандъ. Къ нему не безъ основаній обратились римскіе даконы Пелатій и Анатолій. А потому онъ свое сочиненіе и озаглавилъ какъ отвѣтное «Письмо въ Римъ».

Фульгенцій Ф. считаетъ все дѣло Юстиніана вредной затѣей, выгодной только монофисистамъ. Осужденіе «трехъ главъ» равносильно

вмѣшательству въ компетенцію Халкидонскаго Собора, умаленію его авторитета... Зачѣмъ эта война съ мертвыми? Вы — *νεκροδίκτης* гонители умершихъ». Словечко, ставшее крылатымъ.

Практическіе выводы Ф. Ферранда таковы: 1) Не позволять **пересмотра** Халкидонскаго Собора и хранить въ полной силѣ его опредѣленія; 2) Не возбуждать соблазновъ между живыми **из-за умершихъ** собратьевъ; 5) Никто не долженъ путемъ **принудительныхъ подписей претендовать для своихъ писаній** на авторитетъ, подобающій одному только Св. Писанію. Для блага церкви будетъ весьма полезно, если **никто** не станетъ **предписывать церкви**, чему она должна слѣдовать, а будетъ держаться того, чему **она** учитъ».

Итакъ Италія и Африка возстали противъ затѣи Юстиніана и вовлеченія въ нее личности папы. Особенной твердостью отличалась Африка съ извѣстной пылкостью ея темперамента и со свойственной ей искони защитой ея мѣстной церковной свободы даже и противъ папскаго Рима.

Епископъ Карфагенскій Понтіанъ отвѣчалъ на запросъ Юстиніана: «Писанія Θεодора Момпсуестійскаго неизвѣстны въ Африкѣ и никого не смущаютъ. Но и вообще не слѣдуетъ осуждать покойниковъ, ибо они уже не могутъ исправиться... Ради Самого Господа не возмущай мира церкви, чтобы не пришлось тебѣ, задумавъ осудить мертвыхъ, казнить смертью многихъ живыхъ за неповиновеніе».

Вся эта западная богословская публицистика цѣнна какъ зеркало западной ментальности. Но далека отъ точности и тонкости восточной мысли. Нельзя ограничивать церковной истины ни гранью времени, ни гранью между живыми и мертвыми. Церковь всеобъемлюща. Въ ней снимаются всѣ эти грани. По слову Христову, Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ, ибо у Него — всѣ живы. Стало быть и для церкви тоже. Стало быть и судъ ея не можетъ быть названъ судомъ только «человѣческимъ» и историческимъ. Онъ можетъ и долженъ быть и сверхисторическимъ и сверхчеловѣческимъ, т. е. богочеловѣческимъ, по природѣ самой церкви.

Когда со смертью Θεодоры отпалъ ея моральный «терроръ» не только надъ Вигиліемъ, но и надъ множествомъ «западныхъ» (главнымъ образомъ съ Балканскаго Иллирика) епископовъ, созывавшихся въ столицу для подписи **Judicatum'a**, то и ближайшее окруженіе Вигилія начало его покидать, сливаясь съ поднявшейся волной оппозиціи всего Запада. Два діакона Вигилія — (а 7 діаконівъ Римской церкви это фигуры выдающіяся, обычные кандидаты и замѣстители папъ) — Севастіанъ и Рустикъ, послѣдній даже племянникъ Вигилія, демонстративно покинули его съ умысленнымъ шумомъ и скандаломъ въ самый день Рождества Христова въ 549 г., когда должны были сослужить съ нимъ литургію въ Св. Софій. Ихъ соблазнили два африканскихъ монаха — Лампридій и Феликсъ, распространявшіе тутъ же въ столицѣ свои листовки противъ **judicatum'a**. Вигилій подвергъ своихъ діаконівъ и цѣлую толпу примкнувшихъ къ нимъ клириковъ римской юрисдикціи запрещенію впредь до раскаянія.

Забурлили и начали противиться **Judicatum'y** соборно цѣлыя области Запада. Епископы Иллиріи свергли за принятіе **judicatum'a**

своего примаса, епископа Юстинианы I-ой (т. е. Ахриды-Скопле), Бенената.

Африка, по традиции поступила смѣлѣе. Подъ предсѣдательствомъ Репарата, еп. Карѳагенскаго, африканскіе епископы просто отлучили папу Вигилія впредь до раскаянія и послали протестъ Юстиніану.

Въ Галліи не знали въ точности положенія дѣла. Но въ тревогѣ епископы въ количествѣ 71 собрались (28.X.549 г.) на соборъ въ Орлеанѣ и повторили осужденіе ересей Несторія и Евтиха. А епископъ Арльскій Авреліанъ послалъ своего клирика Анастасія для живого личнаго освѣдомленія. При немъ то и наскандалили близкіе Вигилію его даконы. Вигилій былъ радъ случаю обработать Анастасія въ благопріятномъ для себя смыслѣ. Вигилій убѣдилъ Анастасія, смягчая всю острогу вопроса, что дѣло идетъ просто о хулителяхъ св. Кирилла Александрійскаго и самъ написалъ въ Арль успокаивающее посланіе съ утверженіемъ чести Халкидонскаго Собора. А самого Анастасія настроилъ и въ пользу *judicatum'a*, и даже политики имп. Юстиніана.

Вообще же вся эта картина протеста всего Запада противъ личнаго *judicatum'a*, папы есть экспериментальное доказательство погрѣшимости папы въ догматахъ, когда онъ отрывается отъ соборности церкви. Иначе сказать разрушеніе ватиканской формулы, что папа непогрѣшимъ *ex sese, sed non ex consensu ecclesiae*.

*

**

Необходимость Вселенскаго Собора.

Поучительно видѣть, что какъ ни торопился Юстиніанъ использовать свое не право, а императорское самодержавіе, чтобы рѣшить поднятый вопросъ прямымъ давленіемъ на совѣсть епископата, какъ, съ другой стороны, западной половинѣ церкви ни чужда была мысль о вселенскихъ соборахъ, но практическая безысходность изъ создававшегося тупика привела обѣ состязавшіяся стороны признать его неизбѣжность. Вигилій пришелъ къ искреннему убѣжденію, что какъ онъ самъ, такъ и всѣ западные епископы безъ личнаго ознакомленія съ поставленнымъ вопросомъ здѣсь, на мѣстѣ, на Востокѣ никогда не поймутъ, какъ его практически, жизненно надо разрѣшить. А слѣдовательно, надо ихъ вызвать сюда на соборное обсужденіе, т. е. устроить соборъ вселенскій и на немъ рѣшить вопросъ заново, убравъ съ дороги какъ указъ василевса о трехъ главахъ, такъ и собственный *judicatum*, поднявшій такую тревогу на Западѣ и тяготившій совѣсть папы. Юстиніанъ принялъ проектъ собора съ готовностью. Но, чтобы гарантировать вотумъ папы въ желательномъ для него смыслѣ, снова, вторично связалъ его совѣсть. Юстиніанъ заставилъ Вигилія, въ присутствіи епископовъ и сенаторовъ, дать ему клятву на гвоздяхъ Креста Господня и Четвероевангеліи, что онъ сдѣлаетъ все, что сможетъ, чтобы «три главы» были осуждены. И всѣмъ западнымъ участникамъ *judicatum'a* папы (около 70 епископовъ), были возвращены вырван-

ные у нихъ вотумы. И всѣми вмѣстѣ взято на себя обязательство до собора не высказываться по вопросу о трехъ главахъ ни за, ни противъ.

Такимъ образомъ поле для новаго «свободнаго» обсужденія вопроса «формально» было расчищено. Не формально, а реально василевсъ энергично «расчищалъ» дорогу къ нужному ему вселенскому вотуму. У епископской стороны, давшей присягу молчанія, не было въ рукахъ иного оружія кромѣ частнаго (не публичнаго) обмѣна мнѣніями. А у императора была просто власть принужденія безъ всякихъ дискуссій. Право и обязанность властвованія были неотмѣняемы. И императоръ никому не давалъ и не могъ дать обѣщанія «не дѣйствовать». «Бездѣйствіе власти» есть элементарно безспорное «преступленіе». Епископская сторона, связанная присягой «бездѣйствія слова», очутилась въ самомъ невыгодномъ положеніи. Обѣтъ «бездѣйствія» оказался одностороннимъ. Юстиніанъ дѣйствовалъ и давилъ по природѣ и методамъ государственной власти. Юстиніанъ приказалъ собраться мѣстному собору 2-ой Киликіи, гдѣ былъ городъ Мопсуестія, и получилъ отъ него нужное постановленіе, что имя Θεодора тамъ никогда не фигурировало въ диптихахъ, т. е. никогда не было предметомъ культоваго почитанія. Слѣдовательно къ анаематствованію его съ этой стороны нѣтъ никакихъ препятствій. Особыхъ усилій стоило сломить упрямо оппозиціонную Африку. Кстати государственная власть ромеевъ послѣ нашествія вандаловъ и вестготовъ была только что восстановлена. И было властямъ сравнительно легко измышлять обвиненія въ политической невѣрности, сочувствіи и содѣйствіи едва усмиренному врагу. Такъ и «убрали» Карфагенскаго епископа Репарата и единомышленную съ нимъ группу епископовъ. Всѣ они «вызваны» были пріѣхать въ Кплѣ. Это былъ судебный «вызовъ», точнѣе — «приводъ». «Приведенные» не убоились никакихъ угрозъ и отказались подписать указъ «о трехъ главахъ», о которомъ не должно было бы по условію сейчасъ быть и рѣчи. Поэтому судили ихъ якобы не за это, а за «политику», за административныя мелочи, за «упущенія по службѣ». Репаратъ былъ лишень мѣста и сосланъ въ Евхайты. На мѣсто Репарата тутъ же въ Кплѣ, «самодержавно» былъ поставленъ его апокрисіарій Примасій. Возвращеніе Примасія въ Карфагенъ толпа встрѣтила кровавымъ бунтомъ. Большинство епископовъ покорилось властямъ, упорствующіе разосланы по монастырямъ.

Епископы Иллирика не собрались на мѣстный соборъ, чтобы засаботировать указъ Юстиніана и никакъ не подписать его.

Зоиль Александрійскій взялъ свою подпись подъ указомъ василевса, былъ низложенъ Юстиніаномъ (551 г.) и въ неканоническомъ порядкѣ змѣщенъ Аполлинаріемъ.

Получилось впечатлѣніе, что императоръ не просто «расчищаетъ путь» къ искомому соборному разрѣшенію вопроса, но въ цѣлой серіи актовъ власти предвосхищаетъ желательное рѣшеніе и хочетъ сдѣлать излишнимъ самый соборъ. Онъ пишетъ обстоятельный полемическій трактатъ. А коварный Θ. Аскида убѣждаетъ его сдѣлать изъ трактата новый эдиктъ и опять возвратиться къ методу подписей подъ царскимъ

эдиктомъ. Прослышавъ о новой затѣѣ, папа протестовалъ, но на протестъ не обратили вниманія. Эдиктъ подъ заглавіемъ *‘Ομολογία τῆς πίστεως* съ выводами въ формѣ 15 анафематизмовъ разсылается по всей имперіи для вывѣшиванія на дверяхъ церквей (551 г.). Задача — предрѣшить вопросъ о виновности «трехъ главъ» съ мотивами, попутно опровергающими западную аргументацію. И надо признать, въ большинствѣ случаевъ — серьезно и обоснованно. На тезисъ о неправомерности анафематствовать умершихъ, Юстиніанъ возражаетъ фактами. Церковь древнихъ еретиковъ (Валентина, Василида, Керинѳа) и недавнихъ, какъ Евномія, анафематствовала посмертно. Изъ западныхъ самъ Августинъ писалъ, что если бы Цециліанъ мыслилъ вопреки церкви, то онъ отлучилъ бы его и по смерти.

Если запретить осуждать, то значитъ надо запретить и оправдывать. А какъ же тогда быть съ посмертнымъ оправданіемъ и прославленіемъ осужденнаго при жизни св. Іоанна Златоуста?

Говорятъ Θεодоръ М. умеръ въ общеніи съ церковью. Но упускается изъ виду невидимая сторона церкви. Тѣ, кто мыслятъ нечестиво, они уже реально стпали отъ церкви. И изслѣдованіе на мѣстѣ доказало, что его собственная церковь изгладила память о немъ изъ диптиховъ.

Ссылка на то, что о Θεодорѣ М. хорошо отзывались Іоаннъ Антиохійскій съ его соборомъ и даже самъ Кириллъ Александрійскій. Но всѣ такого рода частичные и попутные положительные ссылки и отзывы не рѣшаютъ вопроса въ цѣломъ. И святые — папа Дамась, Аѳанасій Великій, Василій Великій почтительно ссылаются на Аполлинарія и св. Левъ Великій одобряетъ Евтиха, но все это было только до момента, пока не вскрылся еретическій замыселъ этихъ лицъ. И св. Кириллъ послѣдующими опроверженіями Θεодора аннулировалъ свою прежнюю наивность. Было время, когда Іоаннъ Антиохійскій и его братья-епископы были врагами св. Кирилла и защитниками Несторія. А въ 433 г. отказались отъ своихъ ошибокъ и объединились съ Кирилломъ. Словомъ, Юстиніанова аргументація была основательной, несмотря на грубо-политическое утѣсненіе стихіи и процедуры подлинной церковной соборности.

Но вѣроломное отступленіе отъ предсоборнаго договора съ папой и западными епископами теперь подняло и вполне оправдывало негодующій, упорный протестъ Запада. Это Юстиніаново «исповѣданіе» (*‘Ομολογία*) явилось и для папы Вигилія моментомъ критическимъ. Онъ преодолѣлъ свое прежнее малодушіе и, опираясь на ясно опредѣлившееся соборное мнѣніе всего Запада, вступилъ на путь достойнаго сопротивленія грубому давленію «Кесаря». Дворецъ Плакідіи во II-мъ Римѣ сталъ на мѣсто Латерана Рима I-го. Здѣсь для всего западнаго епископата образовался центръ сопротивленія. Началось съ торжественнаго предложенія папѣ — принять «Омологію» императора. Делегация послѣдняго вызывающе возглаголюлась самимъ Θεодоромъ Аскидой. Вигилій отказалъ въ подписи и умолялъ Юстиніана взять свой актъ до собора обратно. А Датій Миланскій, какъ глава автономнаго діецеца, присоединилъ къ этому свое заявленіе: «я протестую отъ себя и отъ имени епископовъ Галліи, Бургундіи, Испаніи, Лигурии, Эмилии

и Венеціи, что всякаго подписавшаго это исповѣданіе мы отлучаемъ отъ общенія съ нами, ибо явно, что этотъ документъ наноситъ ударъ Халкидонскому собору и каѳолической вѣрѣ». Вигилія и Датія въ ихъ протестѣ подкрѣпиль еще опять прибывшій въ КПль изъ Рима Пелагій. При его поддержкѣ Вигилій заявилъ, что онъ разрываетъ общеніе съ п. Миной.

На это послѣдовали репрессіи. Въ приближеніи опасности ареста, папа, съ нимъ Датій, въ окруженіи преданныхъ имъ клириковъ, рѣшили убѣжать изъ дворца Плакидіи въ церковь ап. Петра при дворцѣ Гормизды. Въ этомъ Дворцѣ недавно еще привитали любимцы Θεодоры, монофиситскіе монахи. При такихъ обстоятельствахъ п. Вигилій подписалъ низложеніе Θ. Аскиды, отлученіе всѣхъ пріемлющихъ эдиктъ и исповѣданіе и передалъ документъ въ надежныя руки (17.VIII.551).

Власть распорядилась взять силой укрывшихся бѣглецовъ. Отрядъ вооруженной полиціи съ сопровождавшей его толпой ворвался въ церковь. Стрѣлы луковъ угрожающе приложены къ тетивамъ. Епископы съ клириками робко прижались къ мраморному престолу. Клириковъ одного за другимъ схватывали и отводили тутъ же въ сторону. «Возложили руки» и на рослую, крупную фигуру папы, взялись за ноги и даже за бороду, но не могли сразу оторвать его отъ колоннокъ — ножекъ престола, за которыя онъ цѣпко ухватился. Колонки пошатнулись, и тяжелая мраморная доска престола раздробила бы голову папы, если бы всѣ арестованные клирики не бросились дружной толпой и спасли папу отъ катастрофы. Видѣвшая все это толпа возмутилась противъ полиціи, освистала ее, выгнала изъ церкви и фактически освободила арестуемыхъ.

Правительство поняло, что оно публично осрамилось. Бѣглецы остались на своемъ мѣстѣ въ церкви ап. Петра подъ охраной смущеннаго общественнаго мнѣнія. Нужно было перейти къ переговорамъ. Юстиніанъ послалъ Велизарія съ тремя сановниками, просить папу вернуться во дворецъ Плакидіи, не опасаясь никакихъ насилій. Но папа выразилъ недовѣріе и набросалъ для Юстиніана формулу присяги, которая бы его — папу успокоила. Юстиніанъ «сохранилъ свое лицо» отъ такого удара его самолюбію, но поручилъ делегации дать обѣщаніе на св. мощахъ, что свобода папы будетъ сохранена. Послѣ этого всѣ вернулись во дворецъ Плакидіи.

Но при внѣшней показной свободѣ атмосфера режима во дворцѣ круто измѣнилась. Вся прислуга была назначена новая, грубая, съ инструкціей примѣнительно къ тюремному режиму и шпіонскими, лже-свидѣтельскими заданіями. Вигилій и Датій лишены были возможности держать связь съ другими римскими клириками, живущими въ столицѣ. Одинъ изъ секретарей Вигилія былъ подкупленъ для поддѣлки криминальныхъ писемъ отъ лица папы въ Италію. Явно готовился лживый процессъ для политическаго обвиненія и смѣщенія папы Вигилія. На Западѣ сѣялись нелѣпыя клеветническіе слухи о Вигиліи. Римскіе клирики сочли нужнымъ конспирированными путями отправить на Западѣ отрезвляющее освѣдомленіе о тюремномъ положеніи папы. Вигилій, Датій и всѣ другіе съ ними рѣшили въ декабрѣ 551 г. вновь бѣжать

изъ стѣнъ этой новой тюрьмы. За два дня до Рождества Христова, въ ночь на 23 декабря, въ темную зимнюю ночь, цѣпляясь по грудамъ камней вновь строящейся стѣны, всѣ эти латинскіе іерархи и клирики бѣжали къ берегу, гдѣ поджидали ихъ людки, перевезшіе ихъ на другой берегъ Босфора, въ Халкидонъ, въ тотъ самый храмъ св. Евѣиміи, гдѣ происходилъ знаменитый и дорогой сердцу римлянъ IV-й Вселенскій Соборъ.

Новый скандалъ для правительства. Повторяется сказка сначала. Опять посылается къ папѣ (28.I.522 г.) Велизарій съ клятвеннымъ обѣщаніемъ всѣхъ гарантій. Но папа отвѣтилъ: время клятвъ прошло; нужны факты. Если императоръ отмѣнитъ свои эдикты, вернется къ дѣламъ Юстина и этимъ вернетъ миръ церкви, тогда папа вернется въ КПль. Юстиліанъ былъ взбѣшенъ. Быстро отвѣтилъ бранчивымъ письмомъ, но безъ подписи (31.I.522 г.). Почувявъ поворотъ къ худшему, Вигилій отказался принять письмо безъ подлинной подписи императора и рѣшилъ обратиться уже съ окружнымъ посланіемъ (энцикликкой) ко всей церкви. Въ немъ излагалась вся печальная исторія, но безъ всякаго упоминанія о «трехъ главахъ», изъ-за которыхъ и «весь сыръ боръ горѣлъ». Это было честнымъ соблюденіемъ заключеннаго съ Юстиніаномъ условія. Но теперь предавалось публичному оглашенію: и низложеніе Θ . Аскиды, и отлученіе патр. Мины и всѣхъ западныхъ епископовъ, давшихъ имъ подписи.

Юстиніанъ снова былъ усмиренъ и послалъ къ папѣ запросъ — назначить день, когда могутъ явиться къ нему уполномоченныя императоромъ лица для подтвержденія клятвы, что папа въ полной безопасности можетъ возвратиться во дворецъ Плакидіи. Вигилій отвѣтилъ, что онъ не покинетъ Халкидона, пока не получитъ просимаго удовлетворенія, а сейчасъ готовъ отправить для переговоровъ архіепископа Датія и то подъ условіемъ спеціальной гарантіи для его личной безопасности. Юстиніанъ, однако, прибѣгъ къ затыжкѣ. А тѣмъ временемъ окружавшіе Вигилія 12 епископовъ и два римскихъ діакона — Тулліанъ и Пелагій, одинъ по одному были оторваны отъ папы и насильно увезены въ столицу. На эти новыя репрессіи Вигилій отвѣтилъ открытой полемикой. На принятыхъ для публикаціи мѣстахъ столицы доброжелатели гонимаго папы вывѣсили его прещенія противъ Θ . Аскиды, патр. Мины и ихъ союзниковъ. Новый конфузъ для правительства былъ опытнымъ доказательствомъ безысходности состязанія между произволомъ самодержца и непобѣдимостью свободы церкви. Юстиніанъ явно сдался, рѣшилъ ускорить созывъ неизбывнаго собора, но не могъ отказать отъ всѣхъ мѣръ давленія и всякихъ ухищреній, чтобы получить черезъ соборъ потребный вердиктъ, загоня весь Западъ въ положеніе проигравшаго дѣла меньшинства. Эта искусственная задача требовала немалыхъ компромиссовъ, и Юстиніанъ на нихъ пошелъ.

По приказу василевса волки превращаются въ агнцевъ. Θ еодоръ Аскида, патр. Мина и всѣ іерархи и клирики, осужденные папой, вдругъ шлютъ ему неожиданно смиренное, покаянное посланіе. Очевидно съ дозволенія власти, заявляютъ, что они неповинны въ насиліяхъ, чинимыхъ надъ папой. А если виноваты въ нихъ косвенно и неволью, то

просятъ прощенія. Просятъ простить и за то, что имѣли общеніе съ лицами отлученными папой. Напоминаютъ, что согласно договору, они до собора ничего не пишутъ о трехъ главахъ. А прежнія свои о томъ писанія они берутъ назадъ и отдаютъ на усмотреніе папы. Четыре прежнихъ вселенскихъ собора они признаютъ неизмѣнно безъ прибавокъ и убавокъ.

Папа формально удовлетворился этимъ и возвратился въ Кплъ. Онъ, конечно, не былъ настолько наивенъ, чтобы повѣрить этому документу, написанному по приказу василевса. Но для его римскаго юридическаго сознанія было достаточно такого условія, чтобы пойти на вселенскій соборъ. Тѣмъ болѣе, что какъ Вигилій взялъ до собора обратно свой *judicatum*, такъ и императоръ — свои автократическіе эдикты.

Въ ближайшіе мѣсяцы умерли и патр. Мина († 25.VIII.552) и Датій Миланскій. На мѣстѣ столичнаго патріарха очутилась новая фигура, монахъ Евтихій, пріѣхавшій въ Кплъ въ качествѣ замѣстителя на предстоящемъ соборѣ своего Амасійскаго (въ Понтѣ) епископа. Его почти приказалъ возвести на патріаршій тронъ самъ Юстиніанъ. Чтобы устранить всѣ сложности выбора, василевсъ объявилъ, что ему было видѣніе, въ которомъ на Евтихія указалъ ему самъ ап. Петръ. Возраженія этимъ исключались. Чѣмъ же угодилъ Евтихій? Историкъ Евagriй (IV.38) пріоткрываетъ завѣсу: «Когда возникъ вопросъ, надо ли подвергать анаемѣ умершихъ, Евтихій, повидимому хорошо изучившій божественное писаніе, но при жизни патріарха Мины еще не принадлежавшій къ числу людей извѣстныхъ и проходившій только должность апокрисіарія при Амасійскомъ епископѣ, сей Евтихій, взглянулъ на собравшихся не только съ гордостью, но и съ презрѣніемъ, заявилъ рѣшительно, что это не требуетъ и разсужденій. Въ древности царь Іосія не только закололъ живыхъ жрецовъ идольскихъ, но и раскопалъ гробы тѣхъ, которые задолго до того умерли (4 Цар. 23.16). Замѣчанія Евтихія всѣмъ показались умѣстными, и Юстиніанъ, узнавъ о томъ, возвелъ его, по кончинѣ Мины, на престолъ царствующаго града». Ясно, конечно, что назначеніемъ Евтихія Юстиніанъ обезпечивалъ себѣ посмертное осужденіе «трехъ главъ». Во всемъ этомъ чувствуется и закулисная роль Θ. Аскиды.

Евтихій сначала сговорился съ Аполлинаріемъ Александрійскимъ, Домномъ Антиохійскимъ и Иліей Фессалоникскимъ и затѣмъ уже «общимъ фронтомъ» обратился въ день своей интронизации (6 января 553 г.) со своей синодикой къ папѣ, гдѣ подтверждалъ свое православіе вѣрностью 4-мъ Вселенскимъ Соборамъ и готовностью всѣ споры уладить на новомъ Вселенскомъ Соборѣ. Вигилій отвѣтилъ, что онъ радуется миру церковному, созыву вселенскаго собора подъ его, папы, предсѣдательствомъ «съ соблюденіемъ права — *τοῦ δικαίου φυλάττομένου, servata aequilate*», намекая этимъ на достойное и полное привлеченіе голосовъ Западной церкви. Ради этого папа выражалъ желаніе, что собору было бы лучше собраться въ Италіи или Сициліи. Но Юстиніанъ разослалъ отъ своего имени приглашеніе пожаловать въ Кплъ

V-й Вселенский Соборъ.

Чтобы парировать предложеніе папы о западной «полнотѣ» собора, формулу папы «*servata acqutate*» Юстиніанъ истолковалъ такъ, чтобы каждый изъ 5 патріарховъ представилъ по одинаковому количеству делегатовъ. Но это показное «равенство» сводилось бы къ 4/5 делегатовъ восточныхъ-греческихъ и только къ 1/5 — западныхъ-латинскихъ. На дѣлѣ представительство Запада оказывалось еще бѣднѣе. Весной съѣхались въ КПль до 150 епископовъ греческихъ и только около 25 латинскихъ-западныхъ. Не было никого даже изъ ближайшаго Иллирика, не говоря уже о далекихъ Галліи и Испаніи. Изъ Африки привезены были подобранные императорской властью 8 человекъ.

Поэтому папа не принялъ Юстиніанова предложенія и не пошелъ на соборъ. Онъ заявилъ, что пусть соборъ разсуждаетъ безъ латинской стороны, а папа сообщитъ ему къ свѣденію и учету свое сужденіе и рѣшеніе. Этимъ формальная вселенскость собора была поколеблена. Возможность достиженія общаго вѣроопредѣленія поставлена подъ большое сомнѣніе. Юстиніана и такая форма оппозиціи папы не остановила. I.V.553 г. онъ извѣстилъ папу черезъ Велизарія, что 5.V. соборъ все равно откроется, а отдѣльное рѣшеніе отъ папы не будетъ принято.

Соборъ открылся въ обширной залѣ — *σικρέτων Μέγα*, связывавшей св. Софію съ патріаршими палатами, за отказомъ папы, подъ предсѣдательствомъ новаго столичнаго патріарха Евтихія. Около него возсѣдали патріархи Александрійскій и Антиохійскій, а также замѣстители Іерусалимскаго. Сверхъ этого 145 епископовъ и 6 покорныхъ западныхъ фигуръ изъ непокорной Африки.

Открылся соборъ слушаніемъ обращенія василевса къ собору, прочитаннаго силенціаріемъ. Подъ видомъ исторіи вопроса въ этомъ обращеніи предписана не только полная программа для сужденій собора, но въ довольно требовательномъ тонѣ указаны и ожидаемая отъ него постановленія, какъ якобы самоочевидныя и не могущія вызывать никакихъ сомнѣній. За главную задачу собора выдается — искорененіе послѣднихъ остатковъ ереси Несторіанской. И предыдущее привлеченіе епископата къ подпискѣ «Омологіи» Юстиніана толкуется какъ только консультація и подготовка соборнаго церковнаго мнѣнія къ настоящему вселенскому собору. Всѣ осудили «три главы». Но такъ какъ остались еще защитники «нечестія», то и созывается настоящій соборъ для торжественной манифестаціи воли церкви. Что касается Вигилія, святѣйшаго папы древняго Рима, то василевсъ проконсультировалъ и его, и онъ произнесъ анаѳему на три главы и еще завѣрилъ, что не замедлитъ вскорѣ представить собору свой окончательный отвѣтъ.

А конкретная «программа-указъ» Юстиніана звучали такъ:

- 1) «Просимъ васъ разсмотрѣть» все, что написано Θ. Мопсуэстійскимъ и все, что писалось о немъ. «Изъ этого вы узнаете, что онъ уже давно осужденъ свв. отцами и за хулы вычеркнутъ изъ диптиховъ».
- 2) «Просимъ васъ разсудить о мнѣніи... будто не слѣдуетъ ана-

еematствовать по смерти... и просимъ въ этомъ случаѣ держаться ученія свв. отцовъ, которые и по смерти анаеematствовали умершихъ въ нечестіи».

3) «Просимъ обратить вниманіе на то, что написано Θεодоритомъ еп. Киррскимъ противъ правой вѣры, противъ Ефесскаго Собора, противъ Кирилла Александрійскаго и его 12 анаеematизмовъ и что Θεодоритомъ написано въ защиту Θ. Мопсуэстійскаго и Несторія».

4) «Просимъ сдѣлать изслѣдованіе о нечестивомъ письмѣ Ивы къ Марѣ Персу. И такъ какъ нѣкоторымъ кажется, что оно принято Халкидонскимъ соборомъ... то сличить... то, что содержится въ нечестивомъ письмѣ съ постановленіями Халкидонскаго собора».

На слѣдующій же день 6.V соборъ рѣшилъ отправить къ папѣ во дворецъ Плакидіи многочисленную пышную депутацію, возглавленную тремя патраірхами, съ приглашеніемъ — пожаловать на соборъ. Папа сказался больнымъ и потому просилъ отсрочки для принятія того или иного рѣшенія. Тогда Юстиніанъ приказалъ продѣлать троекратное формальное приглашеніе, по требованію римскаго права, примѣняемому къ подсудимымъ. На другой день къ персонамъ патріарховъ къ депутаціи присоединены были два верховныхъ сановника (по нашему министра). Папа рѣшилъ сказать прямо, что онъ не пойдетъ на соборъ, пока въ него не войдетъ итальянскій епископатъ.

Тогда соборъ рѣшилъ (8.V), невзирая на эту неудачу, перейти чь очереднымъ дѣламъ, и въ рядѣ засѣданій (отъ IV-го по VIII-е), слѣдя программѣ Юстиніана, повторяя матерьялы и выводы царской «Омологіи» съ ея 15 анаеematизмами, ко 2 іюня закончилъ свою работу, сведя ее къ 14 анаеematизмамъ. Вотъ канва протокола.

Θеодоръ Моп-ій «сокровищница нечестія». Нечестивы его утверждения: «отъ Пресв. Дѣвы родился не Богъ, а человѣкъ», «Богъ присутствовалъ въ человѣкѣ Исусѣ при его рожденіи», Дѣва Марія, — «Матерь Бога, потому что въ рожденномъ ея человѣкѣ былъ Богъ по благоволенію», «Христосъ, въ борьбѣ съ страстями и похотями, нуждался въ руководствѣ Духа Св.», Не всѣ мессіанскія мѣста относятся къ Христу, но часть ихъ только къ іудейскому народу. Хульно говорилъ Θеодоръ М. о книгахъ Іова и Пѣсни Пѣсней.

У Θеодорита Киррскаго неприемлемо многое въ его писаніяхъ: а) его полемика противъ 12 Кирилловыхъ анаеematизмовъ; б) несторіанскія формулы «для Христа былъ храмъ въ дѣвической утробѣ»; «единство ипостаснаго, какъ страннаго и чуждаго, не знаемъ ни изъ божественнаго писанія, ни изъ отцовъ церкви»; в) въ своей перепискѣ Θ. жестоко хулилъ св. Кирилла, приравнивая къ еретикамъ — Арію, Евномію, Аполлинарію, называя нечуждымъ безумію Валентина и Маркіона; г) перечитанъ текстъ бранчиваго письма по случаю смерти въ 444 г. Кирилла Александрійскаго: «Наконецъ-то умеръ этотъ злой человѣкъ!». Н. Н. Глубоковскій въ своихъ изслѣдованіяхъ о Бл. Θеодоритѣ начисто отрицаетъ его подлинность; е) письмо 431 г. изъ Ефеса къ Андрею Самосатскому, гдѣ вся линія поведенія св. Кирилла рисуется, какъ незаконная: «Опять безумствуетъ Египетъ противъ Бога, воюетъ съ Моисеемъ и Аарономъ и слугами его... Поругано достоинство блгоучестіе. Надъ такимъ соборомъ смѣются египтяне и пале-

стинцы, понтийцы и асийцы и съ ними Западъ. Какіе смѣхотворцы во время язычества въ комедіяхъ такъ осмѣивали благочестіе! Какой сочинитель комедій когда-нибудь прочитаетъ такую бансю!..»; f) Письмо въ дружескомъ тонѣ къ Несторію уже послѣ его осужденія: «Господину моему досточтимѣйшему и благочестивѣйшему и святѣйшему отцу, епископу Несторію»... «Съ тѣмъ, что несправедливо и противозаконно учинено противъ твоей святыни, я не позволю себѣ согласиться, при содѣйствіи божественной благодати, подкрѣпляющей немощ души, даже и въ томъ случаѣ, если бы мнѣ отскли обѣ руки». Это была гордая реторика, не предвидѣвшая по человѣческой ограниченности того, что ровно черезъ 20 лѣтъ на Халкидонскомъ соборѣ тотъ же Θεодоритъ, подъ давленіемъ криковъ уставшаго собора, не желавшаго слушать его объясненій, вынужденъ былъ просто, безъ мотивовъ анаематствовать Несторія.

Въ вопросѣ объ Ивѣ Эдесскомъ безспорно принято, что на Халкидонскомъ соборѣ лично онъ былъ оправданъ, но что письмо его къ Марѣ, объясняемое обстоятельствами времени, осуждено. Протоколъ записалъ восклицанія членовъ собора по поводу письма: «Мы всё осуждаемъ его! Оно чуждо собору! Кто принимаетъ письмо, тотъ отвергаетъ свв. халкидонскихъ отцовъ!»

Послѣ этого засѣданія въ ходъ соборныхъ дѣлъ вливается струя рѣшеній папы и окружающихъ его 16 епископовъ и 3-хъ діаконовъ: Пеллагія, Петра и Θεофана. 14 мая Вигилій черезъ діакона Сервусдея извѣстилъ членовъ бывшихъ посольствъ къ нему, что онъ свое обѣщаніе теперь выполнилъ, «постановленіе — *Constitutum*» составилъ и готовъ его сообщить собору. Несторіанскую доктрину папа осуждаетъ въ пяти анаематизмахъ. Разбираетъ шестьдесятъ цитатъ изъ Θεодора Мопсуэстійскаго и ихъ также рѣшительно отвергаетъ *apostolicae sententiae auctoritate*. Лица же Θεодора М. папа не осуждаетъ, слѣдуя обычному праву церкви — не судить мертвыхъ. Причислятъ Θεодорита К. къ несторіанамъ папа отказывается. Иначе выходило бы, что нѣкоторые члены халкидонскаго собора были еретики. Но всё несторіанскія и еutihанскія писанія, хотя бы нѣкоторыя изъ нихъ опубликованы подъ именемъ Θεодоритовыхъ, папа, конечно, отменяетъ. Объ Ивѣ Эдесскомъ папа строго держится молчанія Халкидонскаго собора. Признавая неправильныя сужденія объ Ефесскомъ соборѣ 431 г., у Ивы, какъ и у Θεодорита въ періодъ ихъ ссоры со св. Кирилломъ, онъ признаетъ Иву и Θεодорита безупречными послѣ мира 433 г., чѣмъ и объясняется молчаніе объ этой ссорѣ Халкидонскаго собора.

Въ заключеніе *Constitutum'a*, папа напоминаетъ всему своему клиру, что таковъ его «приказъ — *ordo*», и иначе учить воспрещается.

Въ такомъ спокойномъ тонѣ и сдержанныхъ выраженіяхъ сужденіе папы объективно по существу совпадало съ окончательнымъ орисомъ всего собора. Не уступало Юстиніану лишь въ одномъ пунктѣ: не одобряло посмертнаго отлученія самого Θεодора Мопсуэстійскаго.

Это былъ недостаточный для Юстиніана *minimum*. Очевидно инструкторованная имъ депутація къ Вигилію, въ которой былъ опять Велизарій, осведомившись о содержаніи *Constitutum'a*, отказалась его принять и предложила Вигилію самому послать его императору. Виги-

лій послалъ конститутумъ съ діакономъ Сервусдеи. Но и императоръ его не принялъ съ язвительной мотивировкой. Данный актъ ненуженъ, ибо излишенъ. Мнѣніе папы уже учтено, ибо императору оно извѣстно и въ устной и въ письменной формѣ. (Намекъ на секретныя обязательства Вигилія). Извѣстно, что папа осуждаетъ «три главы»; если же, паче чаянія нѣтъ, то папа противорѣчитъ самъ себѣ и не заслуживаетъ принятія этого всерьезъ.

Юстиніанъ, мстя Вигилію за его гордынное нежеланіе слиться съ соборомъ, и, какъ юристъ, считая достаточнымъ для авторитета собора, какъ Вселенскаго, наличіе въ портфель собора письменнаго голоса папы по аналогіи съ томосомъ папы, Льва Великаго на IV соборѣ, рѣшилъ въ VII-мъ засѣданіи собора (26 мая) вскрыть всѣ бывшія до этой минуты формально секретными письменныя мнѣнія — обязательства папы. Дворцовый квесторъ предъявилъ собору и огласилъ два письма Вигилія 547 г., врученныя Юстиніану и Θεодорѣ съ обязательствомъ осудить «три главы» и третье, клятвенное обязательство 15.VIII.550 г. не дѣлать ничего безъ согласенія съ императоромъ и наоборотъ сдѣлать все возможное съ его стороны къ осужденію трехъ главъ.

Логически изъ такой предпосылки могъ бы быть сдѣланъ и такой выводъ, что вселенское единомысліе благополучно достигнуто. Папа, какъ полномочный выразитель мнѣнія всего Запада, богословствуетъ и дѣйствуетъ совершенно одинаково съ Востокомъ. Но документы Вигилія оглашены не для согласія съ нимъ, а для дезавуированія его настоящаго отрицательнаго вѣтума. Юстиніанъ не принялъ его официально, но фактически зналъ его. Благодаря измѣнѣ папы самому себѣ, соборъ не включаетъ въ свое достиженіе его голосъ, а наоборотъ — исключаетъ. Соборъ исполняетъ предложеніе василевса: — вычеркиваетъ имя Вигилія изъ диптиховъ. И дѣлаетъ оговорку, что эта мѣра наказанія наложена на Вигилія лично, за его отказъ отъ участія во Вселенскомъ Соборѣ, но что императоръ и соборъ не мѣняють черезъ это своихъ связей съ апостолической римской каѳедрой. Исторія показала, какъ болѣзненно отозвался этотъ ударъ по самолюбію Западной церкви и какъ долго — цѣлыхъ полтора столѣтія, она въ разныхъ частяхъ своихъ противилась его признанію.

Уже послѣ того, какъ соборъ размежевался съ постановленіемъ папы Вигилія и съ его личностью, 2 іюня 553 г. онъ имѣлъ свое послѣднее засѣданіе, на которомъ и принять его оросъ, заготовленный заранѣе повидимому патріархомъ Евѡиміемъ и Θ. Аскидой. А этотъ оросъ дополнялся еще 14 анаѳематизмами, текстъ которыхъ очень близокъ къ *‘Ομολογία* Юстиніана, является ея повтореніемъ съ незначительной лишь переработкой.

Вотъ заключительная часть ороса: «...Итакъ мы осуждаемъ и анаѳематствуемъ со всѣми другими еретиками уже осужденными и отлученными на 4-хъ первыхъ свв. соборахъ и святою каѳолическою и апостольскою церковью: Θεодора, бывшаго епископа Мопсузѣйскаго, такъ же какъ и его нечестивыя писанія.

Такимъ же образомъ мы осуждаемъ и анаѳематствуемъ и то, что нечестиво написалъ Θεодоритъ противъ православной вѣры, противъ

12 анаеѣматизмовъ Кирилла и противъ собора Ефесскаго и, наконецъ, въ защиту Θεодора и Несторія.

Мы анаеѣматствуемъ, наконецъ, нечестивое письмо къ Персу Марѣ, приписываемое Ивѣ..., порицающее святую память Кирилла, какъ еретика, какъ писавшаго подобно Аполлинарію, тогда какъ онъ училъ православно; и — обвиняющее Ефесскій соборъ въ томъ, что имъ низложенъ Несторій безъ суда и слѣдствія; и — защищающее Θεодора и Несторія и ихъ нечестивыя ученія и сочиненія.

Итакъ мы анаеѣматствуемъ «три главы», т. е. нечестиваго Θεодора Мопсуестійскаго и его богохульныя книги, и то, что нечестиво написалъ Θεодоритъ, и — богохульное письмо, приписываемое Ивѣ. Мы анаеѣматствуемъ ихъ со всѣми тѣми, кто ихъ защищаетъ, которые считаютъ «Три главы» православными, желаютъ или будутъ желать покрыть ихъ нечестіе авторитетомъ свв. отцовъ или Халкидонскаго Собора».

Въ этомъ оросѣ отчетливо проведена линія различенія лицъ и ихъ писаній. Халкидонъ, оправдавшій лично Θεодорита и Иву, защитилъ ихъ и теперь. Но Θεодоръ, Халкидономъ не защищенный, подпалъ подъ анаеѣму.

**

Рецепція V-го Вселенскаго Собора на Западѣ.

И на Востокѣ пришлось низложить кое-кого изъ епископовъ, не принявшихъ V-го собора. Это по связи съ бунтующими оригенистскими монастырями. Но труднѣе всего было добиться принятія собора Западомъ. Назначенный правительствомъ Юстиніана, Карѣагенскій еп. Примасій на двухъ мѣстныхъ соборахъ, въ борьбѣ съ оппозиціей, провелъ признаніе V-го собора, участникомъ котораго онъ былъ самъ. Упорствующіе епископы были отправлены въ ссылку. Предшественникъ его Репаратъ Карѣагенскій вмѣстѣ съ діакономъ Либератомъ сосланы въ Евхаиты (берегъ Евксина) Викторъ, еп. Туннунскій — въ Канопу (Египеть), Примасій Адруметскій — въ Кплѣ въ Студійскій монастырь. Діаконъ Рустикъ — въ Фиваиду. Рустикъ, Либератъ и Викторъ въ ссылкѣ написали воспоминанія о переживаемыхъ событіяхъ и тѣмъ услужили исторіи церкви. Скрывшійся и пойманный Факулдъ Германскій въ 554 г. вмѣстѣ съ группой упорствующихъ африканцевъ были допрашиваемы въ Кплѣ и за непріятіе V собора брошены съ тюрьмы. Не пожелавшіе даже пріѣхать на V-й соборъ Иллирійскіе епископы подверглись разнымъ формамъ давленія.

Въ самомъ Кплѣ діаконъ Вигилія, Пелагій и Сарпатъ были посажены въ тюрьму. Вигилію грозили тѣмъ же, но какъ больного каменной болѣзнью, оставили пока въ покоѣ въ расчетъ на его «слачу», для чего у Юстиніана были нѣкоторыя основанія. А именно, еще въ концѣ 552 г. Римъ былъ вырванъ изъ рукъ Готовъ полководцемъ императора Нарсесомъ (армянинъ). И теперь римскій клиръ ходатайствовалъ о возвращеніи папы, уже семь лѣтъ (съ 545 г.) отсутствовавшего. Юстиніанъ охотно соглашался, но подъ условіемъ признанія

V-го собора. Послѣ шестимѣсячныхъ раздумій Вигилій написалъ (8.II. 553 г.) патр. Евтихію о своемъ согласіи подписать оросъ V собора и анаѳематствовать «три главы», ссылаясь на примѣръ Блажен. Августина, который не постыдился въ своихъ *Retractationes* рѣзко измѣнить свои взгляды и дѣйствія въ борьбѣ съ донатистами. Такую же свою перемѣну папа мотивируетъ во второмъ своемъ *Constitutum* 8.II.554 г. Особенно долго онъ останавливается на казуѣ съ письмомъ Ивы къ Марѣ и тутъ впадаетъ въ излишнюю софистику, будто не это въ пылу полемики написанное и выгодное для ереси письмо читалось на Халкидонскомъ Соборѣ, а другое письмо клириковъ Эдессы въ защиту Ивы. Будто по прочтеніи именно послѣдняго письма римскіе легаты заявили, какъ записано въ протоколѣ: *Relecta enim ejus epistola, agnovimus eum (=Ibam) esse orthodoxum*. Ясно, что православнымъ легаты признали не письмо (было бы *eam*), а Иву (*orthodoxum*, а не — *am*). И изъ подписи нѣкоторыхъ другихъ епископовъ тоже явствуетъ, что по прочтеніи вмѣняемаго Ивѣ въ вину письма, само исповѣданіе его (т. е. устныя объясненія передъ соборомъ) они признаютъ — православными. Папа кончаетъ свое *Constitutum*: «А что сдѣлано было мной или другими въ защиту трехъ главъ, то мы упраздняемъ опредѣленіемъ настоящаго Конститутума». Разумѣется, очевидно, и всѣ писанія Факунда Германскаго, Фульгенція Ферранда и др... Новѣйшая доктрина единоличной папской непогрѣшимости этими признаніями тоже подрывается.

Такъ миръ церковный былъ подписанъ. Юстиніанъ побѣдилъ Готтовъ въ Римѣ и папу у себя въ Кплѣ. Папа ждалъ справедливой расплаты, льготъ и милостей разоренному 20-лѣтней войной Риму и всей Италіи. Актъ объ этихъ льготахъ и административныхъ реформахъ подъ именемъ «Прагматической Санкціи» теперь былъ въ рукахъ у Вигилія, и онъ могъ не съ пустыми руками вернуться домой изъ восьмилѣтняго «плѣна», навстрѣчу неизбѣжной оппозиціи. Юстиніанъ, конечно, видѣлъ, что оппозиція обѣщаетъ быть грозной и длительной, пока живъ ея самый компетентный, окруженный вѣнцомъ исповѣдничества вождь Пелагій. Онъ и изъ своего монастырскаго заключенія не переставалъ бичевать слабого, безвольнаго Вигилія. Сломавъ Вигилія, Юстиніанъ сломалъ, наконецъ, и Пелагія. Вигилію не суждено было увидѣть Римъ. И безъ того больной и старый, онъ снова заболѣлъ въ дорогѣ и 7.VI, 555 г. скончался въ Сиракузахъ. Императоръ предложилъ папскую тиару Пелагію. Пелагій задумался и... одумался. Для Генриха IV-го Парижъ стоилъ мессы. Для Пелагія Римъ — подписи подъ V соборомъ. Онъ противился подписи подъ знаменемъ папы. Онъ былъ его соратникомъ, оруженосцемъ. Но теперь, когда папа перемѣнилъ волю, Пелагію предстояло бы стать революціонеромъ, отвергнуть авторитетъ папы. Этого лойяльное римское сердце Пелагія не вынесло. Онъ былъ мозгомъ Вигилія и теперь рѣшительно вступилъ въ стезю его и «обмозговалъ» ее.

Пелагій подписалъ оросъ V-го собора, и Юстиніанъ отослалъ его въ 554 г. въ Италію и по смерти Вигилія (555 г.) указалъ на Пелагія, какъ на своего кандидата въ преемники покойному. При тѣхъ об-

стоятельствах это было равносильно приказу. Но большинство клириков и монастырей было возмущено и не понимало Пелагия; — «Так защищать Халкидонский Соборъ и такъ измѣнить!»...

Усмиренная обстоятельствами тяжелого времени, сдержанная аристократія и часть клира провели Пелагія на выборахъ. Но церемонія посвященія его была демонстративно убогой и малолюдной. Даже по традиціи первый посвящающій епископъ Остіійскій отсутствовалъ и былъ представленъ скромнымъ священникомъ. Не набралось даже требуемыхъ чиномъ минимально трехъ епископовъ. Было только два. Многіе клирики и монастыри не хотѣли имѣть общеніе съ Пелагіемъ. Издали его громили старые борцы — Викторъ Туннунскій и Факундъ Г. «некродиоктомъ». И не только Пелагію до конца его жизни пришлось защищаться отъ обвиненій въ измѣнѣ. Но, по инициативѣ автономныхъ митрополитовъ Миланскаго и Аквилейскаго, въ Сѣверной Италіи образовался длительный расколъ, который формально закончился только соборомъ въ Павіи 700 г. Словно призраки воскресшаго прошлаго, аквилейцы на этомъ соборѣ все еще спорили съ каеоликами «о трехъ главахъ, о V Соборѣ, о папѣ Вигилии». Въ заключеніе все-таки отпраздновали конецъ 150-лѣтнихъ раздѣленій.

*
**

Въ заключеніе я долженъ выполнить мое обѣщаніе, данное въ началѣ рѣчи: въ чемъ я вижу «икону» V-го Вселенскаго Собора, столь обремененнаго человѣческими немощами? Въ чемъ оправданіе, положительный смыслъ вложенныхъ въ него усилій? За что церковь реципировала, приняла авторитетъ этого собора? Какимъ приобрѣтеніемъ богословскаго разумѣнія она ему обязана?

Новаго богословскаго вопроса теперь не ставилось. Въ предѣлахъ прежняго — о двухъ природахъ во Христѣ — новый моментъ въ вопросѣ — «о двухъ воляхъ» измышленъ былъ лишь столѣтіемъ позже. Тутъ же творилось что-то искусственное и неясное. Топтались на почвѣ Халкидонскихъ постановленій, перекапывали эту почву, ища въ ней якобы все еще засоряющіе ее ядовитые слѣды полузабытой несторіанской ереси. Занимали общее вниманіе не богословіемъ по существу, а какими-то личностями и невѣсомыми мелочами около нихъ, въ расчетѣ понравиться какимъ-то массамъ, въ чемъ-то имъ угодить. Проблема была не столько теоретико-догматическая, сколько практическая, почти демагогическая. Но для церкви — одинаково живая и отвѣтственная. Церковь благоустрояетъ не только мысли и головы людей и народовъ, но и ихъ сердца и преобразуетъ въ своемъ духѣ всѣ интересы жизни. Посему естественно и понятно, что эта категорія прагматическихъ вопросовъ лежитъ ближе къ сердцу христіанской теократической государственности, ея миропомазаныхъ василевсовъ. Это — область преимущественно ихъ влѣнія и ихъ отвѣтственности. Если и IV-й Вселенскій Халкидонскій соборъ (451 г.) съ его остро поставленной теоретико-догматической задачей, проведенъ былъ рукой императорской власти, то тѣмъ болѣе настоящій, V-й, съ его прагматической задачей является всецѣло дѣломъ Θεодоры и Юстиніана

въ цѣляхъ и интересахъ специфическихъ: — въ цѣляхъ спасенія начавшей исторически старѣть и распадаться христіанской Ромейской имперіи. Вы скажете: это задача политическая, а не церковная. Нѣтъ, это задача теократическая, т. е. въ церковно-античномъ, подлинно-православномъ смыслѣ именно церковная. Древнюю церковь надо понять не извнѣ, а изнутри, изъ природы ея самосознанія, повторяю — цѣлостно-теократическаго, а не нашего, модернизованнаго и оскотченнаго секулярнымъ либерализмомъ. О церкви мы зачастую судимъ «по-европейски», исходя изъ мнимо безспорной аксіомы «раздѣленія церкви и государства» въ то время какъ для православной мысли это просто несторіанская ересь, увы! — практически, за неимѣніемъ въ реальности лучшаго, всѣми нами разсчитливо пріемлемая. Но это не только не наша православная норма (уже не говоримъ объ идеалѣ) — это свидѣтельство нашего безсилія, нашей покорной забитости въ уголокъ лической «терпимости». Мы практически предали идеаль и принципъ теократіи, примирились съ его упраздненіемъ и потеряли право заносчиво критиковать византійскую теократію. Легко видѣть въ ней и античную грубость и человѣческія страсти и вороха всякой грѣховности. Но это было посылное, хотя и обезображенное грѣхомъ, стояніе на почвѣ мистически-догматической, христологически-православной, дву-природной, богочеловѣческой, теократической цѣльности.

Христіолюбивые императоры, приснопамятные Юстиніанъ и Феодора не были носителями только человѣческихъ, грубо утилитарныхъ, империалистическихъ инстинктовъ. Ревность о служеніи имперіи была для нихъ въ то же самое время и ревностью служенія Церкви Христовой. Исторически назрѣвавшая опасность распада тѣла государства была для нихъ тѣмъ самымъ и опасностью распада и умаленія тѣла Церкви. Они не ошиблись. Эта опасность для Восточной половины церкви была уже реальной.

Почти чудесно быстрое завоеваніе въ IV в. до Р. Х. всего Ближняго Востока подъ эгиду эллинскаго языка и культуры; затѣмъ — благодатное углубленіе этой эллинизации, смѣнившей ее вселенской Церковью, все-таки не измѣнили кровной, расовой подпочвы у восточныхъ христіанъ. Они, возрастая духовно и культурно въ атмосферѣ вселенскости, тѣмъ самымъ возвышались, христіанизовали и свои языки и все свое національно-историческое самосознаніе. Это антиномическое и вмѣстѣ симфоническое сосуществованіе вселенскаго и національнаго началъ въ сознаніи народовъ никогда не можетъ достигъ идеальнаго устойчиваго равновѣсія. Оно въ вѣчномъ колебаніи, въ борьбѣ, дефективныхъ уклоннахъ, крайностяхъ и извращеніяхъ.

Этотъ глубокой и всеобъемлющій фактъ исторіи человѣчества, по своей мучительной сложности, недаромъ охарактеризованъ библейскимъ преданіемъ, какъ Божье наказаніе за столпотвореніе, за гордыню. Проваль за такую гордыню подстерегаетъ всякую имперію, несмотря на то, что собираніе распыленнаго человѣчества въ болѣе широкія объединенія есть фактъ положительный, идущій навстрѣчу задачамъ строительства Царства Божія на землѣ. Въ этомъ провиденціальная роль римской имперіи Августа, и благодарная память о ней Церкви Пра-

вославною такъ внушительно запечатлѣлась для насъ въ стихирахъ Рождества Христова.

И вотъ на долю возглавителей Восточной половины Вселенской Церкви, ея василевсовъ и выпала эта труднѣйшая, и для идеологій тѣхъ вѣковъ еще новая, непостижимая и неразрѣшимая задача: спасти единство Имперіи черезъ сохраненіе единства Церкви. А фактически опытъ указывалъ, что неудовлетворенныя стремленія все яснѣе и ярче сливались съ еретическими разномысліями и инстинктивно хватались за нихъ для прикрытія и оправданія своего внутренняго отъединенія отъ эллинизма, а при случаѣ и государственнаго сепаратизма.

Эта многовѣковая болѣзнь особенно тяготѣла надъ восточной половиною имперіи, ибо восточные сосѣди эллинизма — были носителями глубокихъ религіозныхъ интересовъ и страстныхъ мистическихъ эмоцій. Естественно поэтому, что весь восточный поясъ Византійскаго царства: Иверійцы, Армяне, Сиро-арамеи, Сиро-персы, Сиро-арабы и южнѣй: Копты, Египцы, все время, пользуясь ересями, откалывались отъ греческой католической церкви и, воспользовавшись въ VII в. внѣшнимъ нашествіемъ арабовъ-исламитовъ, отчасти измѣнически, отчасти наивно — охотно отпали отъ вселенской церкви, непонявшей и неудовлетворившей ихъ племеннаго самостійнаго инстинкта. Неразрѣшенный конфликтъ этихъ націоналистическихъ инстинктовъ сотрясаетъ въ постоянной лихорадкѣ и современныя намъ большія и малыя имперіи. Секретъ полнаго излечиванія болѣзни еще не открытъ. Не будемъ поэтому съ холодной безучастностью судить царственныя муки нашей православной Матери-Церкви Византійской, несовершенно, но все же добросовѣстно пытавшейся разрѣшить одну изъ загадокъ исторіи: превратить унаслѣдованный ею идеаль Pax Romana въ Pax Christiana, Pax Ecclesiastica, Pax Catholica, V-й Вселенскій Соборъ, со всѣми его человѣческими кривизнами, компромиссными ухищреніями, давленіями и даже насиліями являетъ намъ въ себѣ великій подвигъ, нелишенный сознательнаго, жертвеннаго «истощанія — униженія, кенозиса» и власти церковной, и власти государственной. Это — великій подвигъ не только церковнаго богословскаго разума, долженствующаго разъяснить по нуждѣ времени, то главное, то даже второстепенное, ставшее «злойбой дня», но и великій подвигъ Любви материнскаго сердца Церкви, всякими путями, то грозой, то лаской, спасающей соблазнаемыхъ націоналистическими страстями инородческихъ чадъ своихъ.

Совершивъ этотъ подвигъ Любви — царицы христіанскихъ добродѣтелей, «николи же опадающей», и тѣмъ превосходящей и Вѣру и Надежду, Церковь Вселенская съ чистой совѣстью имѣетъ право оглянуться на свое прошлое и не мучиться упреками, что она была жестока и нелюбвна къ пасомымъ ею дѣтямъ, цѣлымъ народамъ и культурамъ. И если они сами ея не послушались и отошли отъ нея, то за эту драму исторіи церкви они сами же и отвѣчаютъ. Человѣку и человѣчеству дана страшная, трагическая свобода заблужденія. Невольно вспоминается душу раздирающее и вызывающее потоки неутѣнныхъ слезъ слово Христово: «Иерусалимъ, Иерусалимъ! Избивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ! Сколько разъ Я хотѣлъ со-

братъ дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ, и — вы не захотѣли!!..» (Мф. 23. 40).

Холодно, безъ пониманія и соболѣзнованія отнеслась къ этому подвигу христіанской любви западная половина церкви. Но достоинъ вниманія тотъ конечный результатъ, что западная церковь, переломивъ свое нерасположеніе къ этимъ чуждымъ ей компромиссамъ Востока, сестрински перемучившись ими, въ концѣ концовъ по практическимъ мотивамъ католической солидарности зачислила V Соборъ въ активъ Церкви, т. е. рѣшила принять его тоже подъ знакомъ любви.

Наше хотячее представленіе о творческихъ результатахъ именно вселенскихъ соборовъ односторонне и неточно: будто задачей и плодомъ ихъ были только предметы теоретическаго, догматическаго характера. Безспорно, конечно, что во всѣхъ нашихъ седми Вселенскихъ Соборахъ наличествовалъ элементъ догматическій, но въ разномъ объемѣ и разномъ контекстѣ. На II-мъ Вселенскомъ КПльскомъ Соборѣ 380 г. просто манифестировался миръ церкви подъ старымъ знаменемъ Никей, до этого момента нѣкое постолѣтіе колебавшемся и отвергавшемся. Тутъ не было никакого новаго богословскаго творчества. А только задача практическая, если угодно, церковно-біологическая: — утвержденіе мира — Pax Ecclesiastica.

III-йЕфесскій соборъ, распушенный царской властью, принесъ умиротвореніе церкви не столько своей незаконченной богословской работой, сколько самоотверженной рѣшимостью двухъ заспорившихъ богословскихъ школъ, успокоиться **практически** на пожертвованіи спорной личностью архіепископа Несторія.

На V соборѣ элементъ богословско-догматическій уже явно играетъ служебную роль, какъ только средство спасенія единства церкви. Но задача единства церкви, какъ задача морально-практическая, по своей самодовлѣющей сущности и цѣнности, стоя на первомъ планѣ въ дѣлѣ V Собора, ничѣмъ не умаляетъ его достоинства. Наоборотъ, вопреки всѣмъ немощамъ человѣческимъ, она его оправдываетъ. Ею онъ святится. Непонимавшій этой телеологической правды собора Западъ, позднѣе ее признавшій и соборъ принявшій, тѣмъ самымъ совершилъ свой, выпавшій на его долю, подвигъ любви къ своимъ восточнымъ собратьямъ и тѣмъ оправдалъ свое честное и добросовѣстное, долгое сопротивленіе восточному, преимущественно императорскому предпріятію. Не понималъ, но принялъ въ подвигъ братской любви и довѣрія, во имя высшей цѣли — мира и единства церкви. Въ этомъ духовная красота добродѣтельной линіи Запада.

*
**

Но... еще не конецъ соблазнамъ и не конецъ моей апологій.

12 новыхъ дѣтъ Юстиніанъ прожилъ послѣ V Вселенскаго Собора и былъ зрителемъ того, какъ всѣ его героическія предпріятія для возврата въ лоно католической церкви еретичествующихъ окраинъ имперіи не увѣнчались никакимъ сколько-нибудь значительнымъ успѣхомъ. Между тѣмъ слѣпыя въ своемъ заносчивомъ упорствѣ еретическія партіи монофиситскихъ диссидентовъ съ увлеченіемъ продолжали свои

шумные литературные споры. И надо признать, не без таланта. Крайний монофиситъ, еп. Галикарнаскій Юліанъ развивалъ свою крайнюю доктрину объ одной лишь видимости человѣческой природы Христа. Плоть облекала, какъ привидѣніе, одну божественную природу. Это приводило въ восторгъ коптскую толпу. И положеніе умѣреннаго, умнаго Севира Антиохійскаго, утверждавшаго реализмъ и тлѣнность плоти Христа, было крайне не популярно. Его вульгарно бранили «фартолатромъ», т. е. поклонникомъ тлѣнія за то, что онъ точно клеймилъ юліанистовъ «афтартодокетами», т. е. проповѣдниками нетлѣнной и мнимой, призрачной человѣчности; еще острѣе — называлъ ихъ «фантасіастами». Но эти «фантазеры» были соблазнительны для черни, какъ соблазнительнъ всякій большевизмъ для низовъ. Безполезно состязаться въ подобномъ большевизмѣ съ соблазненными низами. Ихъ уже не превзойти никакими крайностями. То, что мы элементарно знаемъ теперь, неясно еще было «наивному» для насъ Юстиніану.

Онъ, до маньякальности занятый спасеніемъ имперіи черезъ компромиссы и демагогію, въ своемъ грѣшномъ отрывѣ отъ обще-церковнаго соборнаго мнѣнія соблазнился впасть въ старый свой грѣхъ: — навязать церкви безумную демагогическую доктрину юліанистовъ путемъ принудительныхъ подписей подъ автократическимъ декретомъ василевса. Это было актомъ безумія. Юстиніану было уже 82 года. («Кого Господь захочетъ наказать, то прежде всего отыметъ разумъ»). Въ отрывѣ отъ соборности Юстиніанъ оказался во власти искушенія. И подвергъ искушенію іерархію. Это было въ послѣдніе мѣсяцы предъ смертью Юстиніана (въ 565 г.).

Почти современный ему историкъ Евагрій повѣствуетъ такъ: «...издалъ эдиктъ, въ которомъ тѣло Господа назвалъ неподлежащимъ тлѣнію и непричастнымъ естественнымъ и невиннымъ страстямъ и говорилъ, что Господь вкушалъ пищу точно также и до страданія, какъ потомъ по воскресеніи, т. е. что будто бы всесвятое тѣло Его ни въ вольныхъ, ни въ невольныхъ «страстяхъ» (эмоціяхъ) не переживало никакихъ превращеній или перемѣнъ съ момента образованія его въ утробѣ и даже послѣ воскресенія. Василевсъ принуждалъ согласиться съ этимъ ученіемъ всѣхъ іерарховъ» (IV, 39).

Первый воспротивился ставленникъ Юстиніана, въ свое время такъ угодившій ему, Кплскій патріархъ Евѡимій. Его арестовали въ храмѣ во время богослуженія и выбрали нѣкоторую группу епископовъ для кривосудія надъ нимъ. На судъ онъ не пошелъ, былъ судимъ заочно за выдуманная мелочи, осужденъ и сосланъ въ свой старый монастырь въ Амасію (въ Понтѣ). На мѣсто Евѡимія назначенъ одинъ изъ пресвитеровъ Антиохійскихъ, знаменитый канонистъ Іоаннъ Схоластикъ. О ереси Юстиніана пришли слухи и на Западъ. Изъ Галліи епископъ Низіерій писалъ императору увѣщаніе — отстать отъ его ереси и по меньшей мѣрѣ — не преслѣдовать православныхъ. Патріархи Александрійскій и Іерусалимскій послали свои отказы отъ подписи еретическаго указа. Патріархъ Антиохійскій Анастасій успѣлъ даже собрать мѣстный соборъ, епископы котораго въ числѣ 195 солидарно заявили, что они всѣ покинутъ свои каѳедры, но не примутъ ученія «фантасіастовъ». О рѣшеніи собора были извѣщены всѣ многочисленные сирскіе

монастыри. На это послѣдовалъ указъ самодержца о смѣщеніи Анастасія съ кафедры Антиохійской. Анастасій уже заготовилъ прощальное посланіе къ своей паствѣ, какъ вдругъ пришла облегчающая вѣсть о внезапной смерти Юстиніана. Тотъ же Евагрій (IV, 41) записалъ: «Но, такъ какъ Богъ предусмотрѣлъ о насъ нѣчто лучшее» (Евр. 11, 40), то Юстиніанъ въ то время какъ диктовалъ постановленіе о ссылкѣ Антиохійскаго патріарха Анастасія и единомышленныхъ съ нимъ іерарховъ, былъ пораженъ невидимо ударомъ и отошелъ изъ сей жизни. Такимъ образомъ, возбудивъ вездѣ смуту и тревоги и при концѣ жизни получивъ достойное этихъ дѣлъ возмездіе, Юстиніанъ перешелъ «въ преисподнія судилища».

Новый василевсъ, племянникъ скончавшагося, Юстинъ II-й сбросилъ камень, навалившійся на совѣсть іерарховъ, уже собиравшихся въ столицу для подписи безумнаго указа. Указъ Юстина отсылалъ епископовъ по домамъ, отложивъ всякія новости въ дѣлахъ вѣры.

Правъ Евагрій, что пораженъ былъ стрѣлой смерти Юстиніанъ провиденціально. Но онъ неправъ въ своемъ пристрастномъ судѣ современника, поторопившагося въ раздраженіи послать Юстиніана въ преисподнюю. «Богъ же лучшее, что о немъ предзрѣлъ», скажемъ тѣмъ же словами посланія къ Евреямъ (Евр. 11, 40). Богу угодно было внезапной смертью избавить великаго василевса отъ великаго искушенія и развѣнчанія въ глазахъ Церкви. А церковь, возвышаясь надъ преходящими страстями времени, оцѣнила иначе общій итогъ заслугъ предъ нею идейнаго императора. Она эту выдающуюся чету на тронѣ христоролюбивыхъ василевсовъ: — Юстиніана и Θεодору вскорѣ же канонизовала. Память ихъ въ нашемъ календарѣ 14 ноября.

Какъ и въ случаѣ съ Константиномъ Великимъ и нашимъ крестителемъ кн. Владиміромъ, эта канонизація не суевѣрное приравнваніе ихъ къ «Единому Безгрѣшному» («да не будетъ!»), а только благодарная признательность за великую ревность о славѣ и единствѣ Церкви, и до нашихъ дней еще ощутимую и какъ бы осязаемую въ знаменитомъ законодательномъ «Кодексѣ» Юстиніана и его чудесномъ, какъ бы вѣчномъ цареградскомъ храмѣ Св. Софіи.

А. Карташевъ.